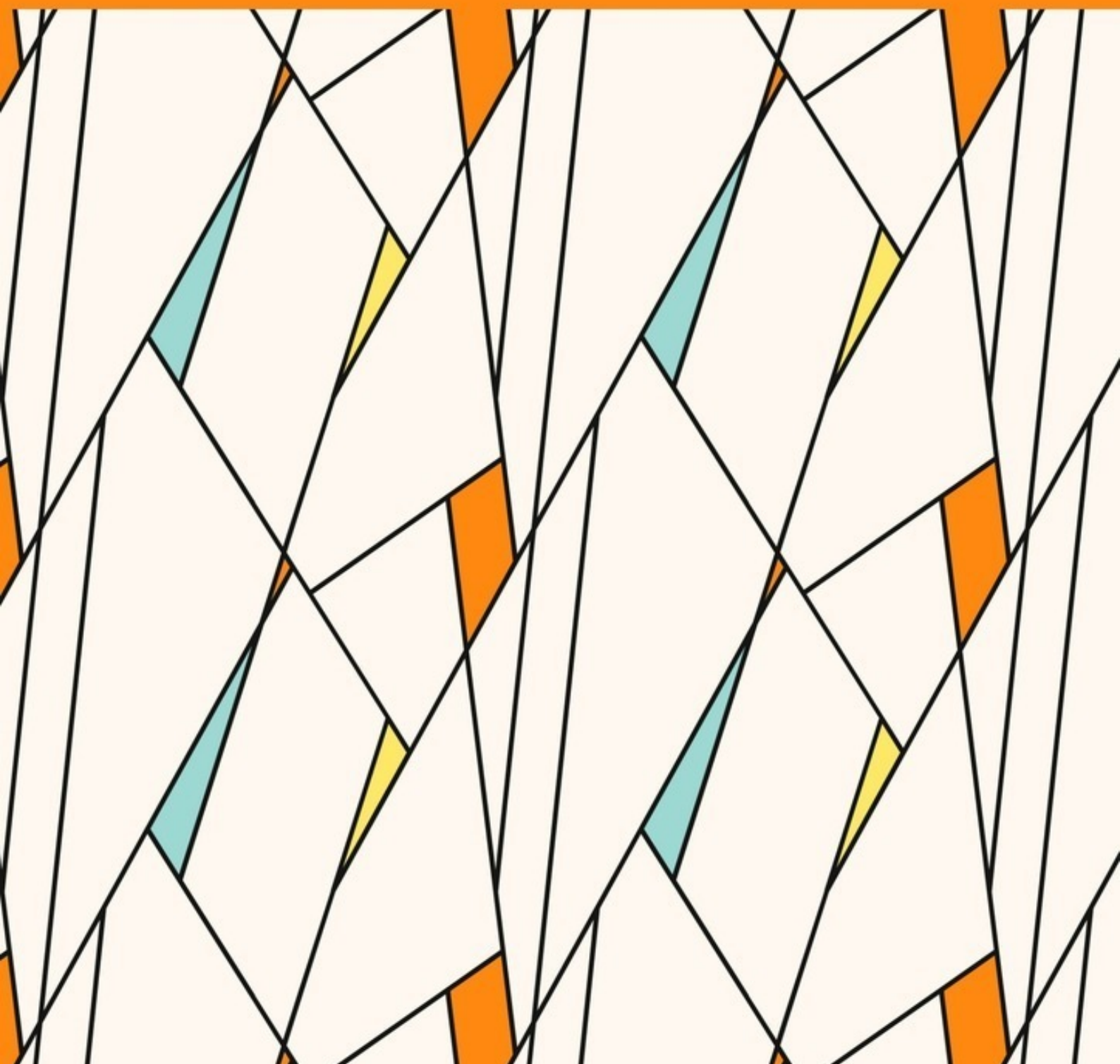

Юрий Солоневич
Зона тени

Юрий Солоневич

Зона тени

«Издательские решения»

Солоневич Ю. Л.

Зона тени / Ю. Л. Солоневич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835399-4

Роман-психодрама. Кому сегодня интересен простой человек: родным, друзьям, милиции, бандитам, Богу? Или никому? Так было в прошлом, так есть в настоящем. А что изменится в будущем?

ISBN 978-5-44-835399-4

© Солоневич Ю. Л.
© Издательские решения

Содержание

1.1	6
2.1	11
2.2	14
2.3	16
2.4	19
2.5	23
2.6	25
2.7	28
2.8	30
2.9	33
2.10	36
2.11	38
2.12	39
2.13	40
2.14	42
2.15	44
2.16	45
2.17	48
2.18	50
2.19	54
2.20	57
2.21	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Зона тени

Юрий Леонтьевич Солоневич

И дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонились дракону, который власть дал зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?

Откровение Святого Иоанна Богослова, гл.13 (3—4).

© Юрий Леонтьевич Солоневич, 2016

ISBN 978-5-4483-5399-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.1

Это было похоже на ритуал, и Арсений придерживался его: в неясной ситуации лучше всего действовать по шаблону. К тому же так было легче настраивать себя на нужную тональность, нужные его делу ощущения. Хорошая настройка – это уже очень много. Араб одобрил эту методику. Когда «чувствуешь ситуацию кожей», когда в глубине подсознания появляется предчувствие, интуиция – появляется и мистическая способность видеть всё как бы со стороны. При этом становятся явными все скрытые связи между причиной и следствием, и отпадает необходимость в грубом воздействии на происходящие события.

«То, что спокойно, легко сохранить. То, что еще не показало признаков, легко направить. То, что слабо, легко разделить. То, что мелко, легко рассеять. Действие надо начать с того, чего еще нет. Если не знаешь, с чего начать – начни с настоящего момента. Используй то, что судьба даёт тебе в руки. И не ставь конкретной цели: она придёт сама». Так его инструктировал не по годам мудрый Араб.

Из промежуточных, несущественных, казалось бы, результатов в итоге получается тот, который и был единственно необходим. И он, как правило, приходит внезапно. Зачастую тогда, когда его уже не ждёшь. Когда потеряна всякая надежда, и последняя капля страдания падает в переполненную чашу терпения. Но он приходит, и тогда становится ясно, что это он – тот, которого ждали. Что это он – такой, каким его ждали. Или почти такой, но это – он. И этот его приход так же неотвратим, как неотвратим приход рассвета после длительной заполярной ночи; так же закономерен и неизбежен, как конечная остановка городского автобусного маршрута.

– Кладбище, – объявил водитель-кондуктор. – Конечная остановка.

Арсений был единственным пассажиром этого рейса. Он вышел из ПАЗика и направился в сторону небольшого административного здания.

Ступеньки просевшего крыльца заунывно скрипели, добавляя тоски в и без того невесёлую атмосферу этой плачевной юдоли.

«И в этом чёрном-пречёрном доме стоял чёрный-пречёрный стол».

Стол действительно был чёрным. Наверное, раньше он украшал офис городского коммунального хозяйства. А теперь, совсем как человек, заканчивал свой жизненный путь на кладбище. И телефонный аппарат тоже был чёрным, модели, примерно, шестидесятых годов. На вставленной в специальное окошечко картонке был написан номер: 2—15—14.

Сидевший за столом «служащий» долго листал исписанные корявым почерком страницы «книги мёртвых», потом поднял на Арсения мутный взгляд и невнятно произнёс:

– Райчук А. С. Сектор ашнадцать, номер шешш...

– Пойдём, покажешь, – перебил его Арсений и, похлопав по нагрудному карману куртки, добавил: – Не обижу.

Настроение у «служащего» сразу улучшилось, и он, навесив на двери конторы ржавый замок, не закрывающийся на ключ, повёл Арсения по довольно неухоженному городскому кладбищу.

Могилы располагались как-то хаотично, бессистемно. Оградки напозлали друг на друга, и было совсем непонятно, где здесь разбивка на сектора. Некоторые памятники совсем разрушились, покосились крестами, напоминая фигуры падающих людей. Надгробья заросли, затянулись пожухлой травой.

Запустение.

Вековая пыль забвения.

Кладбищенские джунгли.

Городские джунгли.

Джунгли в душе.

Цепкие лианы намертво опутали все живое, притянули к земле, упрятали в непроходимую чащу, где нет ни солнца, ни неба.

Есть ли отсюда выход?

«Что здесь было сто лет назад? – подумал Арсений. – Тоже кладбище? А двести лет назад? А две тысячи лет? Что беспокоило их тогда, когда они были живыми? Станут ли думать о нас, проходя мимо наших могил, те, кто будет жить через двести лет? А через две тысячи?»

Что здесь: конец или начало? Конец чего – земных страданий? Начало чего – страданий неземных? Или, может быть, вечный покой? Вечный сон, как исполнение всех желаний: самых заветных, самых несбыточных.

Особые состояния. Они накатывали на Арсения в Катынском лесу, на Бородинском поле, в Долине Смерти...

Покружив немного по лабиринту между оградами, «служащий» остановился у одной из могил и, указав заскорузлым пальцем на невысокий памятник из тёмной мраморной крошки, сказал:

– Вот...

– Ты уверен? – переспросил его Арсений.

«Служащий» почесал рукой затылок и ответил:

– Да чего уж там: мы с ним были друзьями.

– Это как?

– Ну, в школе вместе учились. Немного, – было видно, что «служащий» врал напрапалу в надежде на поминальную рюмку.

– А потом?

– А потом он с собой покончил.

– Почему?

– Да разве кто правду скажет! Одни одно говорят, другие – другое. Только я в такие разговоры не лезу: мне своего горя хватает, – и «служащий» вдруг с надрывом, с тоской в голосе добавил: – Я и сам недавно вешался.

И он показал Арсению ещё довольно заметный след от верёвки на своей шее.

– Ты это зря, – сказал Арсений, а про себя подумал: «Мы все понемногу сходим с ума. А возможно, и кто-то нас сводит. Методично, расчётливо и даже как-то рутинно. По одному и тому же сценарию. Фантазия, что ли, у них не на высоте. Или чувствуют свою полную безнаказанность: кого бояться, когда на всех уровнях всё схвачено».

– Да чего уж там, по мне никто не заплачет, – сказал «служащий». – Ну, правда, ведь!

«А по мне? – подумал Арсений и более внимательно посмотрел на собеседника. – Похоже, что мы с ним одного поля ягоды. Только я одет лучше».

– Поп его отпевать отказался, – и «служащий» с гордостью произнёс: – Я отпевал.

– Вот как, – сказал Арсений.

– Да чего уж там, – повторил «служащий». – Я здесь, считай, лет десять. Все молитвы наизусть знаю. Не то, что попы: мне в книжку смотреть не надо.

Арсений прочитал надпись на памятнике: всё верно. Фотографии не было: видимо, не успели ещё прикрепить. Лишь серый цементный овал указывал на предназначенное для неё место.

– А что он, этот твой одноклассник, много пил?

– Не знаю. Тут у каждого своё понятие на это дело. Он на «скорой» работал, а потом – дальнобойщиком на фуре. – Арсений при этих словах невольно вздрогнул. – Может, залетел в какую «непонятку». А может, и баба довела.

На нижней плите памятника Арсений прочитал: «От жены и дочери. Помним, любим, скорбим». И чуть повыше – годы жизни: «1967 – 2000».

– А с семьёй что стало? – спросил он, заранее предвидя ответ.

– Так уехали. Квартиру продали – и уехали. Что тут непонятного? Не всякий сможет жить, где такое случилось.

– А кому продали, знаешь?

– Конечно, знаю: начальничек один купил. Басалыга его фамилия. В исполкоме сидит, – «служащий» пригладил на затылке спутанные волосы. – Маленький такой, но шустрый. Я его не люблю: он меня за мусор штрафовал, обмылок поганый. «Почему возле дома не прибрано?» А при чём тут я? Что я, в дворники к ним нанимался?

«Служащий» махнул в сердцах рукой:

– Надоело всё. Хоть ты снова в петлю лезь!

– Квартиры сейчас дешёвые? – прервал его Арсений.

– Да, конечно, уж этот своего не упустит. Из горла вырвет. А квартира хорошая была, красивая. Вся в порядке, и кухня плиткой обложена.

– Ты что, был там?

– Так меня же на поминки пригласили, – в голосе «служащего» зазвучали хвастливые нотки. – За то, что яму копал и отпел, как положено. Его друг даже деньги давал, но я не взял: я по совести делал, а не за деньги. Вот меня и пригласили, с полным уважением. Правда, не люблю я так: никого не знаешь и сидишь, как приبلудный. Быстренько свои три рюмки выпил – и к ребятам. У нас тут тоже сабантуй был. Да чего уж там! У нас как похороны – так и сабантуй. Ну, правда, ведь!

Арсений достал портмоне, извлёк из него купюру и протянул «служащему».

– Сразу видно, что ты хороший человек. Я тут побуду немного, а ты сходи за водкой. И закусить чего возьми. Давно ни с кем не выпивал просто так, от души.

На лице «служащего» мгновенно отразилась борьба между остатками человеческой гордости и непреодолимым желанием выпить. Некоторое время он находился в трансе, но потом всё-таки деньги взял.

– Ты не думай: я ведь не всегда таким был. Я когда-то в школе труды преподавал. Жена, дети, квартира – всё было, как у людей. Только никто ведь не знает свою судьбу.

– Это верно, – сказал Арсений.

– Да на черта эта водка нужна! Не здесь будь сказано, – и «служащий» перекрестился. – На эти же деньги три вина получится.

– Ну, пусть будет три вина, – согласился Арсений.

– Ты не думай: я тебя тоже как-нибудь отблагодарю. Хорошие люди должны помогать друг другу. Без этого – пропадёшь.

При этих словах «служащий» отвернулся и торопливо зашагал между оградами к кладбищенским воротам.

– А куда они уехали? – бросил ему вслед Арсений.

Но «служащий» даже не оглянулся, а лишь неопределённо пожал в ответ плечами.

Примерно через полчаса Арсений отошёл от могилы и снова направился к конторе. Замка на двери не было. И когда он вошёл внутрь, то увидел, что за столом сидит маленький, лысый старичок с непропорционально большим носом – «шнобелем» – и с пугающе жёлтыми, совсем как у кошки, глазами.

Во Вселенной не бывает случайностей. Во Вселенной ничего не происходит просто так. И вещие сны потому и вещие, что рано или поздно сбываются.

Арсений сразу узнал его и подумал: «Ну, вот и встретились».

Старичок исподлобья посмотрел на Арсения и спросил:

– Родственника проводывали?

– Нет, сослуживца.

– И денег Гришке дали?

– Да, на вино.

– Плакали ваши денежки, – сказал лысый с плохо скрываемым злорадством.

– Ну, и ладно, – ответил Арсений. – У меня их много.

Старик осмотрел Арсения с ног до головы и ехидно произнёс:

– Не похоже.

– Я просто маскируюсь.

– А это – похоже, – и вдруг резко спросил: – Что вы так смотрите на меня? Мы раньше не встречались?

– Вас зовут Рокх? – вопросом на вопрос ответил Арсений.

– Нет, – сказал лысый и уткнулся в какие-то обрывки бумаг, давая понять, что разговор окончен.

Арсений, не прощаясь, вышел из конторы, закрыл за собой дверь и, громко топая, спустился со скрипучего крыльца. Затем осторожно подошёл к открытой форточке окна и прислушался.

Через минуту в конторе раздались звуки телефонного номеронабирателя, и ещё через минуту старик негромко сказал:

– Пришли кого-нибудь с машиной.

«Очень быстро всё началось, – подумал Арсений. – Почему? Что его насторожило? Мой интерес к могиле? Или я ему просто кого-то напомнил, и он заподозрил неладное? Если бы он был в чём-то уверен, он бы не смог этого скрыть: глаза бы его выдали».

Затем Арсений тихонько отошёл от конторы и направился к автобусной остановке. И пока он, в ожидании, курил там, на скамеечке под навесом, мимо пролетела вишнёвая «девятка» с затенёнными стёклами.

«Шикарная машина для такого захолюстья, – подумал Арсений. – Выходит, я попал не в бровь, а в глаз».

Он совсем не удивился: тактические разработки Араба всегда давали нужный результат. Для непосвящённых это могло показаться мистикой. Но Арсений знал: это всего лишь профессионализм. Профессионализм в высшей степени. Сегодня Араб был бы доволен Арсением, очень доволен.

И потом, когда Арсений ехал в город, глотая пыль в душном салоне всё того же видавшего виды ПАЗика, он отметил, что его никто не преследует: дорога позади автобуса была пустынной. Значит, они уже просчитали ситуацию. И конечно знают, в какой гостинице он остановился. Тем более что она – единственная в городе. Тоже профессионализм.

Арсению на мгновение стало не по себе. «Неужели всё это происходит реально, со мной?» И он стал медленно и глубоко дышать, выпуская воздух из лёгких с задержками, как и учил всё тот же Араб. Это подействовало, и спокойствие вернулось. Вернулась и уверенность в своих силах, и вера в то, что Араб его выручит, если возникнут какие-нибудь осложнения.

Примерно на полдороге к городу Арсений увидел Гришку, который торопливо шагал по обочине в сторону кладбища с пакетом в руках. Арсению захотелось вернуться и хотя бы полчаса провести с Гришкой за пустым, ничемным, пьяным разговором. Но словно чья-то чужая воля, упрятанная в недрах подсознания, заставила его подавить это желание.

«А он действительно неплохой парень, – подумал Арсений. – Он, видимо, не из той компании. Конечно, не из той. Просто используют вслепую: принеси, подай... Надо как-нибудь ещё раз с ним встретиться».

Но будущее не обязано считаться с нашими желаниями.

Арсений никогда больше не встретился с Гришкой. А позже узнал, что вечером того же дня тот умер «от отравления алкоголем и легколетучими продуктами». И ещё через два дня его похоронили без почестей и лишнего шума, на «последнем месте работы».

Никто покойника не отпевал и тем более не оплакивал.

Один из его коллег, прикапывая неокрашенный крест из грубых сосновых брусков, сказал:

– Надо было хоть на станке прострогать.

На что лысый старик бросил:

– Осиновый кол надо было.

– Почему осиновый?

– Чтобы не вылез, иуда.

И старик злобно плюнул в не зарытую до конца могилу.

2.1

Из Заполярного выехали в полдень: задержались, ожидая приезда кассирши из банка. До самого последнего момента было неясно, отдадут ли деньги сегодня. Поэтому и продуктов на дорогу не покупали. Арсений не хотел «спугнуть удачу». Он был суеверен и считал, что преждевременно сказать «гоп» – накликать беду.

«Последний дюйм, всё решает последний дюйм».

Арсений изредка поглядывал на Филиппенко, пытаясь понять, волнуется ли тот. Но внешне Филиппенко был абсолютно спокоен. Он умел держать ситуацию под контролем. Должность начальника милиции научила многому. Да к тому же деньги делались не маленькие, и ради этого стоило выложиться на все сто. И Филиппенко выкладывался: его личные связи были задействованы правильно, и неожиданностей в сделках никогда не случалось. Не случилось их и в этот день. Кассирша приехала в двенадцать и первым делом отдала положенную сумму Филиппенко. А тот, отсчитав свою долю, передал остальные деньги Арсению. Арсений же, не пересчитывая, уложил пачки банкнот в чёрный полиэтиленовый пакет и сказал:

– Ну вот, до весны можно отдыхать.

– Ты подумай насчет консервов. Клубничное варенье заберу всё сразу, сколько ни привезёшь.

– Боюсь, что заметёт, и придётся зимовать тут.

– Ерунда, вытащим. Армия выручит. А замести может и в июле. Делаешь – не бойся, боишься – не делай.

Арсений знал, что армия придёт на помощь. Уже приходила, когда, машина встала позавчера на подъёме: кончилась солярка. Они, с напарником Миколой, сгоряча ещё пытались завести двигатель, но только аккумулятор посадили. По одному звонку Филиппенко из ближайшей части пришёл вездеход, заправил и завёл с толкача. Прямо в гору толкал со всем грузом, пока топливо не закачалось в насос, и КамАЗ не завёлся. Арсению было даже немного страшно. И он, когда машина взобралась на подъём, от нахлынувших чувств перегрузил в вездеход сетку картошки к неопишуемой радости механика-водителя.

– «Вертушку» пришлём, всё организуем, пока при власти, – сказал Филиппенко. – Ты только товар вози.

– Ладно, – согласился Арсений, – приеду домой и позвоню. Варенье есть.

– Не пропадёшь со мной, – сказал Филиппенко.

Старый водитель Костя – белорус из-под Гродно, – у которого квартировали Арсений и Микола, жил в Заполярном с пятьдесят девятого года. Он рассказывал, что до армии Филиппенко был тихоней. А, отслужив два года в Афганистане, вернулся совершенно другим человеком: холодным, как ледяная глыба. Карьеру сделал быстро. Может, потому, что друзей всегда выручал, а враги его просто исчезали: кто на Большую землю, а кто и просто в землю. Слухи разные ходили. Но и начальство, и «крутые» с ним не конфликтовали: было в нём нечто такое, что внушало собеседнику какой-то, на первый взгляд, беспричинный, почти животный страх, даже ужас. И эта неведомая сила так и веяла, так и сквозила от всей его фигуры. Арсений как-то попытался взглянуть Филиппенко прямо в глаза. Но это было только раз. Арсений даже не понял, что тогда произошло: просто речь у него отнялась, и кровь в венах на мгновение остановилась.

– Верю, – сказал он Филиппенко. – Проведёшь?

– До Мурманска, – согласился тот.

И они сели в кабину КамАЗа, где за рулём дремал флегматичный Микола.

– Давай газу, – сказал ему Филиппенко. – Через пару часов стемнеет.

Микола завёл машину, и они поехали в сторону Мурманска, не заезжая в Заполярный за продуктами.

«Ладно, по пути что-нибудь сообразим», – подумал Арсений.

На КПП «Титовка» даже не останавливались: Филиппенко только помахал дежурному фуражкой в окно. Тот, очевидно, узнав пассажира, тоже махнул рукой: проезжайте.

Отъехав ещё немного в сторону Мурманска, они остановились в долине «привязать коней» у обочины.

Солнце уже касалось верхушек сопок и освещало склоны красноватым светом, отчего их поверхность казалась покрытой медью. Да так оно, собственно, и было: медь и никель валялись прямо под ногами, были вкраплены в камни, образуя на их гранях причудливые узоры.

Арсений всегда привозил красивые минералы с Кольского. И сейчас он спустился по каменистому откосу дороги немного вниз: в солнечных лучах тускло блеснуло что-то под голым кустиком.

Филиппенко и Микола знали об увлечении Арсения и не торопили его окриками.

Только под кустиком лежал не минерал с прожилками меди. Осыпавшиеся отчего-то камни содрали зелёный налёт на крупнокалиберной пулемётной гильзе, и она чуть поблёскивала полуобнажённым латунным боком. Но это была только гильза, а не снаряжённый патрон: Арсений видел, что она сплющена, как бы заклёпана со сквозной стороны. Он осторожно отодвинул камни и убедился, что гильза стрелянная. Затем поднял её и внимательно осмотрел. Да, это была гильза от патрона калибра 12,7 мм с заклёпанной наглухо «юбкой». В разрез «юбки» был вставлен какой-то тёмный материал: то ли резина, то ли кожа. Очевидно, для уплотнения. Арсений почувствовал, как лёгкий озноб пробежал по его телу.

Внезапный порыв ветра засвистел, завыл, пригибая к земле слабые, тонкие веточки. Осколок прошлого холодил ладонь, и этот холод проникал в самую потаённую глубину души.

«О чём думает птица, когда умирает?»

Наверное, о своих детях.

А о чём думают дети, когда умирают?

И покуда эта рота умирала,
Землю грызла, лёд глотала,
Кровью харкала в снегу,
Пожурили боевого генерала
И сказали, что отныне он пред Родиной в долгу!
...А они лежат, все двести, глазницами в рассвет,
А им всем вместе четыре тысячи лет...

Затем Арсений вытер гильзу о спецовку и незаметно положил её в карман телогрейки. Потом, взяв для отвода глаз пару камней, вернулся к попутчикам.

Филиппенко и Микола наскоро перекусывали.

– Тебе не предлагаю, – сказал Арсению Филиппенко, кивнув на откупоренную бутылку водки.

– Давай, Микола, езжай, – сказал Арсений. – Я на ходу переем. Что у нас в запасе?

– Кусочек сала, – ответил Микола. – И хлеб заканчивается.

– Знаю, – сказал Арсений. – В Мурманске купим.

Он машинально, не ощущая никакого вкуса, жевал бутерброд и смотрел в окно.

В опускающихся сумерках неясно различались телеграфные столбы, тянувшиеся вдоль дороги. Их подножья были высоко обложены крупными дикими камнями. И от этого столбы казались Арсению вереницей крестов над могильными холмами.

– Это Долина Смерти? – спросил он.

– Теперь называется Долиной Славы, – сказал Филиппенко. И, помолчав, добавил: – Здесь костей больше, чем камней.

Потом резко схватил бутылку и отпил несколько больших глотков прямо из горлышка.

Двигатель нагружено гудел на подъёмах. И телеграфные столбы медленно проплывали мимо, сливаясь с чернотой надвигающейся ночи.

Холодные камни Кольского полуострова.

Длинная вереница крестов.

Так, должно быть, выглядела и дорога на Рим после поражения восставших рабов.

Распятия.

Распяты на обочине рабы.

Многие из них ещё живы; и чуть слышные стоны слетают с их запёкшихся, окровавленных губ, и затихают, растворяясь в шелесте облетевшей листвы. Какие грехи искупают они столь мучительной смертью?

Шесть тысяч крестов вдоль дороги, ведущей в Вечный город.

Заплачено, заплачено сполна.

За что? За что надо платить такую цену?

2.2

В Колу въехали уже затемно. И сразу же за ними увязалась тёмная иномарка с забрызганными грязью номерами. Она плотно «села на хвост» КамАЗу: не обгоняла и не отставала. Микола заметил её первым и зло проговорил:

– Надо было в Заполярном закупаться.

Вопрос питания его беспокоил больше всего остального. «Море любит сильных, а сильные любят поесть».

Арсений промолчал: конечно, надо было. А Филиппенко, присмотревшись к легковушке, сказал:

– Давай теперь без остановок, до поста на трассе.

Так и проскочили мимо Мурманска на одном дыхании. И остались без продуктов на дороге.

На выездном посту ГАИ Микола притормозил. Филиппенко выскочил, проговорив на ходу:

– Дальше – жмите на всю железку. Я тут пару часов побуду. Не волнуйтесь: трассу на замок закроем.

Арсений видел в зеркало, как Филиппенко переговорил с гаишником, и тот остановил преследующую их иномарку, жезлом указав съехать с проезжей части на обочину. А Микола заметил с чувством гордости:

– Этот – не подведёт, – потом добавил, похлопав ладонью по панели приборов: – Ты уж тоже, родимый, постарайся.

И КамАЗ, резко набрав скорость, помчался по «дикой трассе», разрезая светом фар плотную темноту долгой заполярной ночи.

Обратная дорога домой всегда веселее. И, несмотря на все прошлые и предстоящие сложности этого рейса, настроение у Арсения было слегка приподнятое. Солярки в баках хватит до Питера, в кабине тепло и уютно, и только продовольственный вопрос оставался открытым. Правда, успокаивало то, что в инструментальном ящике были спрятаны две банки тушёнки, завернутые в промасленную бумагу – неприкосновенный запас. Эх, ещё бы немного хлебушка!

Только хлебушка купить было негде: последняя надежда, коммерческий киоск на развилке у Оленегорска не работал. Свет внутри горел, но на стук никто не открывал.

– Перепились, сволочи, – злился Микола.

Минут пятнадцать ходили они вокруг «комка», но – делать нечего – несолоно хлебавши, поехали дальше.

– Поищи хоть сухариков в бардачке, – сказал сидевший за рулём Микола.

Арсений долго рылся в заваленном всякой мелочью бардачке и действительно нашёл две засохшие корочки.

– Партизанский хлеб, – уже веселее сказал Микола, разгрызая сухарик. – Ничего, выживем. Партизаны же выжили. Хотя, конечно, у них ещё было партизанское сало.

– У нас есть ещё партизанская тушёнка, – в тон Миколу сказал Арсений.

– Ну, это на потом. А пока давай закурим партизанского табачку, чтобы партизанская дорога короче была.

Дорога действительно была «партизанской»: до самого Петрозаводска трасса не пересекала ни одного города. Мончегорск, Апатиты, Кандалакша, Кемь, Сегежа, Медвежьегорск – все они располагались в стороне. Останавливаться ночью в небольших посёлках вроде Зеленоборского или Пушного не имело смысла: там и днём в магазинах шаром покати. Сёмгу или пушнину, конечно, можно купить. Или на водку выменять. Но этого добра и на трассе хватает: браконьеры вывешивают свой товар на длинных палках, сидят терпеливо у костерка, заросшие,

немытые. Одно слово – хищники. Им что зверя убить, что человека. Человека даже лучше: не так опасно, да и прибыли побольше.

А что ему – кругом пятьсот,
И кто кого переживёт,
Тот и докажет, кто был прав, когда припрут!

«Из тьмы выходят и во тьму возвращаются». Романтика.

– Полезай на спальник, – сказал Микола. – Я буду рулить до упора. А ты хоть немного поспи, под утро сменишь.

Арсений снял сапоги, закинул телогрейку под голову и устроился на спальнике, укрывшись одеялом. Но уснул не сразу: долго ещё сознание блуждало в обрывках дневных воспоминаний, рисуя фантазмагорические, иррациональные образы.

Вооружённые партизаны, костры вдоль трассы.

Обгорелая, изрешечённая пулями фура в кювете под Беломорском.

И телеграфные столбы, тянущиеся далеко-далеко, к самому горизонту, где в заходящих лучах багрового солнца медленно, как на проявляющейся фотобумаге, вырисовывалась фигура Сфинкса.

Там, внутри Сфинкса, было скрыто нечто важное.

Там была тайна.

Великая тайна.

Тайна жизни и смерти...

2.3

Когда Микола разбудил Арсения, было ещё темно. Но приближение рассвета уже угадывалось: верхушки деревьев на восточной стороне трассы приобрели довольно различимые контуры и не сливались больше с ночным небом в сплошное чёрное «ничто».

– Где мы? – спросил Арсений.

– Кемь «на траверзе».

– Ну ты и дал!

– Так пошло: дорога под колёса сама ложилась. Не поверишь: не заметил, как время пролетело. Музыка включил, сигарету – в зубы, и думал о своём. Флот вспомнил, так ещё, «свой родны кут». И спать не хотелось. Я бы всё время только по ночам и ездил. Не знаю почему. Всё какое-то другое. Даже двигатель – и тот по-другому работает: чисто, без надрыва.

Машина стояла на обочине с включёнными габаритами.

Арсений обулся и перебрался за руль.

– Поглядывай за зарядкой, – предупредил Микола, ложась на согретый спальник.

– Проблемы? – спросил его Арсений.

Но Микола не ответил: он уже спал сном праведника.

Арсений включил зажигание, отметив про себя, что основной бак был заполнен только на четверть. «В Сегеже заправлюсь, чтобы не переливаться», – подумал он и завёл двигатель.

Только дотянуть до Сегежи оказалось не так уж и просто: проблемы с зарядкой начались сразу. Стрелка амперметра вела себя неестественно: она резко прыгала с «плюса» на «минус» и затем, так же резко, возвращалась обратно на «плюс». Свет фар был то тускло-жёлтым, то ярко-белым. Арсений пытался найти те обороты двигателя, на которых генератор давал более-менее стабильный ток. И на некоторое время это удалось. Он снизил скорость до шестидесяти и ехал так больше часа, пока окончательно не рассвело. А тогда выключил все потребители и снова добавил скорость.

Так, с горем пополам, он всё же дотянул до заправки.

Трое шустрых пацанов, по виду лет семи-восьми, мигом вставили заправочный пистолет в горловину и заполнили бак. Арсений, не глуша двигатель, рассчитался в кассе за солярку и ссыпал одному из мальцов в озябшие ладони рубля три мелочи от сдачи. Потом заехал на небольшую стоянку у края заправки и только там выключил зажигание.

Ещё с полчаса Арсений сидел в раздумье: жалко было будить Миколу, но – ничего не попишешь – пришлось.

Судя по всему, неисправность была пустяковая: интегральные схемы на генераторах приходилось менять, как перчатки. Иногда и на сотню километров не хватало.

– Давно говорю, надо ставить реле, – ворчал спросонья Микола. – На всех армейских машинах по сто лет служат.

– Дома переделаем, – согласился Арсений.

Они подняли кабину, и Микола, прихватив отвёртку, склонился над генератором.

Арсений, по привычке, начал осматривать двигатель снаружи и вдруг увидел, что из «развала» стекает тоненькая струйка маслянистой жидкости.

– Слышь, Микола, топливо подтекает, – сказал он.

– Пришла беда – отворяй ворота, – ответил Микола и, поковырявшись в паутине трубок, идущих от топливного насоса к форсункам, добавил: – Вот она, перетёрлась. Ещё немного – и совсем обломается.

– Я и чувствовал, что туповато идём, – снова сказал Арсений. – Но кто бы мог подумать... Столько проработала...

– Нет ничего вечного. Это не беда, если найдена причина. Надо менять.

– Такой в запасе нет.

– Значит, надо искать, – сказал Микола так, будто трубки высокого давления пачками валялись прямо на дороге.

Арсений ничего не ответил. Комплектация машины запчастями лежала на нём. Но не будешь ведь возить с собою всего по две, четыре и восемь штук. Раньше было проще: в любой базе, в любом колхозе помогали. Да и дальнбойщики, увидев коллегу в беде, никогда не проезжали мимо. Как-то, в Азове, парнишка всю ночь возил его по базам, пока не нашли крестовину. И денег не взял. Теперь и прокладку без денег не выпросишь...

Микола провозился с полчаса, меняя «шоколадку» на генераторе. Потом завёл двигатель «флажком» и по звуку определил наличие зарядки. Талант – от Бога.

Затем заглушил двигатель рычагом на насосе и слез на землю со словами:

– Дальше так ехать нельзя. На крайний случай, можем трубку совсем обрезать, а солярку в бак отвести. Но на семи «котлах» далеко не уедем. Начнётся вибрация – ещё чего-нибудь отвалится.

Надо было искать ремонтную базу. Но где?

– Эй, юнга, – крикнул Микола одному из мальцов и поманил его к себе рукой.

Пацан подошёл и вопросительно кивнул головой: «Чего надо?»

– Нам надо в базу. Не знаешь, где тут машины стоят? – спросил его Микола.

Пацан немного подумал и сказал:

– В городе есть.

– А ближе, где-нибудь в колхозе? – снова спросил Микола.

– Тут – километра два – хлебопекарня есть. Там – гараж. А если какой болт нужен, то там же, под забором, экскаватор разобранный, ничейный. С него можно что открутить, если подойдёт.

– Молодцом, юнга, – похвалил его Микола и сказал, обращаясь к Арсению: – Вот из таких мужики получаются, – и серьёзно, как к равному, обратился к пацану: – Давай, земляк, сгоняем вместе: дорогу покажешь.

– Не могу, мне работать надо, – ответил пацан. – Я с вами Ленку отправлю, от неё здесь всё равно никакого толку.

И он крикнул в сторону заправочных колонок:

– Эй, Ленка, давай сюда!

Один из пацанов оказался девчонкой. Она подошла к машине, шмыгая носом, и спросила:

– Ну, чего?

– Покажи, где пекарня.

– А назад подвезёте?

– Обязательно, – сказал Микола.

Пекарня была совсем рядом, в пригородном посёлке. Там Микола быстро снял с экскаватора трубку высокого давления: благо, резьба на накидных гайках была нужного размера. Правда, трубка была раза в два длиннее родной. Но Микола скрутил её змеевиком, обогнув вокруг стального пальца, торчавшего из гусеницы экскаватора.

Одна проблема была решена. Вторую решили на проходной, купив у сторожа две горяченькие, ароматные булки хлеба. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Ремонтироваться вернулись на заправку. Но первым делом решили перекусить, пока хлеб не остыл. Микола достал из загашника банку тушёнки, обтёр её чистой ветошью, умело открыл острым ножом. У Ленки из-под низко опущенной вязаной шапочки сверкнули голодные глаза. Микола поставил перед ней на фанерке, заменявшей столик, открытую банку и отрезал толстый ломоть хлеба.

– Подкрепляйся.

Но Ленка есть не стала.

– А Сашку с Васькой можно позвать? – робко спросила она.

Микола вылез из кабины и позвал пацанов. Тех долго упрашивать не пришлось. Как стайка голодных птенцов, набросились они на еду, и через пару минут с тушёнкой и хлебом было покончено.

– Добавки хотите? – спросил их Микола.

– Нет, спасибо. Вам тоже надо, – ответил за всех Сашка.

Он, видимо, был в компании за старшего.

Васька, одетый в тоненькую ветровку, дрожал мелкой дрожью.

– А ты чего без куртки? – спросил его Микола.

Но тот не ответил.

– Что молчишь? – снова спросил Микола.

– Да он не разговаривает, – сказал Сашка. – А куртку купим, как только денег насобираем.

– И сколько стоит новая куртка? – спросил его Микола.

– Новую не надо, – рассудительно сказала Ленка. – Новую маманя пропьёт. Мы с соседом договорились: он за сто рублей свою старую отдаст.

– За недельку соберём, – сказал Сашка. – На этой заправке машин совсем мало. А на городскую большие пацаны не пускают. Вот если бы вы нас в Питер отвезли...

И он мечтательно прикрыл глаза.

– Отвезёте? – жалобно попросила Ленка.

– А что в Питере? – спросил Микола.

– Там на вокзалах можно жить. И заработки побольше. Наши пацаны туда ездили, рассказывали, – сказал Сашка.

– Надо подумать, – ответил Микола.

И этого было достаточно. Пока Арсений и Микола ели вторую банку тушёнки и меняли трубку, детишки не отходили от них ни на шаг. Потом, опустив кабину и сев за руль, Микола сказал Арсению:

– Слушай, дай мне сотку из моей доли.

– Почему из твоей? Из общей, – поправил его Арсений, достал из сумки деньги, выскочил из кабины и сказал Сашке: – Купите куртку сегодня же, – и с этими словами вложил мальцу в ладонь сто рублей.

Сашка, взяв деньги, спросил:

– Так как на счёт Питера?

И Арсений виновато потупил глаза.

Не успевший остыть мотор взревел, набирая обороты.

Три маленькие фигурки на грязном от масляных пятен асфальте ещё долго отражались в зеркале заднего вида.

Утренний, редкий туман оседал слезинками на ветровом стекле, и Микола включил дворники.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

2.4

В Питере Микола взбунтовался:

– Надо горячего поесть, иначе – помрём.

– Ещё ни один голодный от диареи не умер, – попытался отшутиться Арсений.

Но он и сам прекрасно понимал, что без горячей пищи долго не «навоюешь».

– Ты бы что-нибудь умное сказал, что-нибудь по делу, – продолжил Микола. – Язвы и гастриты – это ещё мелочи. Знаешь, какой процент заболеваемости раком желудка среди дальнобойщиков?

– Какой?

– Большой. Один раз в день горячего поесть – это закон.

– Не спорю, – согласился Арсений. – Но только не в Питере: уж очень дорого. Может и денег не хватить.

– А где? В Луге? В Пскове? Там, что ли, бандитов нет? Или, может, в Стругах Красных? – Микола намекал на тот случай, когда на заправке Арсений купил у цыган старый комбинезон в пакете, хотя примерить ему дали кожаную куртку. – Да там скорее нарвёшься. А здесь им не до нас. Здесь иностранцев хватает. Нет, в Питере бандит закормленный. Ему в лом даже подходить к таким крестьянам, как мы.

В словах Миколы была доля правды: никогда не угадаешь, где споткнёшься. А голод давал о себе знать всё ощутимее. Из-за ремонта и замены колеса под Медвежьегорском Петрозаводск проскочили глубокой ночью: всё было закрыто. Арсений знал там одну столовку, где неплохо готовили рыбный суп и жареную треску. Но в этот раз отведать рыбки не удалось. От купленных в коммерческом киоске чипсов мучила изжога, и Арсений согласился с доводами Миколы. Они завернули на небольшую стоянку, уплатив охраннику сто рублей. Тот окинул их, небритых и грязных, презрительным взглядом и бросил сквозь зубы:

– Надолго?

– Нет. Нам бы поесть, где подешевле.

– Тогда ставь машину сразу у ворот. А то потом не выедешь, – сказал охранник. – А поесть можно у нас, в кафе.

Арсений посмотрел в ту сторону, куда указал охранник, и увидел мини-кафе, у входа в которое толпились, громко крича, пьяные поляки в окружении таких же пьяных проституток.

– Нет, здесь дорого, а мы – на подсосе.

– Топайте вниз по улице до канатной фабрики: там найдёте подешевле, – охранник снова махнул рукой, указывая направление.

Микола развернул КамАЗ кабиной к воротам. Арсений захватил пластиковую сумку с деньгами. И, опасливо оглядываясь по сторонам, они вдвоём пошли искать столовую.

На этот раз им повезло: удалось не только прекрасно пообедать, но и закупить в буфете продуктов на оставшуюся дорогу. Довольный Микола укладывал в сумку поверх денег пакеты с пирожками и котлетами «в тесте». Купили и бутылку российской водки: угостить дома, в гараже, слесарей. Хотя до дома было немногим более, чем они уже проехали, но вторая половина дороги всегда пролетала быстрее. От Питера – до Пскова, от Пскова – до Опочки, а там – Себеж. И дальше – всё, дальше – Беларусь. И не важно, что от границы ещё шестьсот километров пути. Беларусь – это уже дома. В Беларуси – все свои: и менты – крохоборы на Лепельском посту, и рэкетеры на Олимпийской трассе. От них от всех даже откупаться приятно: всё равно как перекладывать деньги из одного своего кармана в другой. Свои – не чужие, своим – можно, своим – не обидно.

Настроение после обеда поднялось. Да чего там говорить: для сытого человека мир прекраснее, чем для голодного. Но сытый человек и беспечнее: нет бы сначала выглянуть тихонько

на улицу, хоть краешком глаза. Опытели от еды, потеряли осторожность, выскочили из дверей с довольными улыбками на лице и – прямо в милицейские объятия.

Два упитанных милиционера в новенькой, с иголки, форме осмотрели растерявшихся от неожиданности Миколу и Арсения с головы до ног, и один из них резко спросил:

– Документы!

Арсений и Микола протянули свои паспорта. Милиционер лениво перелистал странички обеих книжечек, нарочито небрежно посмотрел прописку, боковым зрением наблюдая за реакцией ребят, и снова резко сказал:

– Ну что, братья-белорусы, почему нарушаем?

– Что мы нарушили? – спросил Арсений.

– Закон, – сказал милиционер. – Закон об обязательной регистрации иногородних. Почему не зарегистрировались?

– Мы только что приехали.

– Слышал я эти сказки, – усмехнулся милиционер и, обращаясь к своему напарнику, добавил: – Ну, все, блин, до одного только сегодня приехали. Вчера в Питере ни души не было, ни одного человечка. А сегодня все раз – и приехали. Заметь: ни один вчера не приехал – все только сегодня!

Милиционер положил паспорта в нагрудный карман и сказал:

– В отделе разберутся.

– Командир, мы – на КамАЗе, – Арсений старался подавить волнение и говорить спокойно. – Машина на стоянке, тут, недалеко. Час назад поставили. Охранник подтвердит. Мы поесть заходили да продуктов на дорогу взять.

– Документы на машину, – безразличным голосом сказал милиционер.

Арсений протянул техпаспорт.

– Так, машина частная, – констатировал милиционер. – Что везём?

– Метизы возили на Мурманск.

– Что-что?

– Болты, гайки разные, – уточнил Арсений и протянул измятую накладную, проштампованную предусмотрительным Филиппенко.

Милиционер почитал накладную и сказал:

– По датам сходится. По смыслу не сходится. Вы, ребятки, привыкли нас идиотами считать. Но даже идиоту понятно, что изготовить болты в Мурманске будет дешевле, чем оплатить только перевозку. Или в Мурманске заводов нет? Проверим и накладную: на предмет подлинности содержащихся в ней сведений.

Он сложил бумаги и сунул их в нагрудный карман к паспортам. Потом спросил:

– В сумке что?

«Найдут деньги – труба», – подумал Арсений и ответил, раскрыв для обзора сумку:

– Консервов купили, пирожков, пива пару банок.

Милиционер увидел бутылку водки и сказал:

– Водка – правильное пиво. Так, что ли? Пьёте за рулём?

– За столом, – вставил молчавший до сих пор Микола. – Командир, войди в положение: нам ещё «пилять и пилять», каждая минута дорога.

– А вы, ребятки, в наше положение входите? – спросил второй милиционер.

– Так не первый день на трассе, – с этими словами Арсений достал из набитого мелкими купюрами портмоне сто рублей пятидесятками и протянул первому милиционеру.

Тот деньги не взял и сказал:

– Издеваешься?

– Ребята, мы же – не чурбаны, – снова сказал Арсений, добавив к купюрам ещё одну пятидесятку. – Мы ведь палёную водку не возим. Сами, – и он показал на бутылку, – вот! – в магазине покупаем.

– Были бы чурбаны – и разговор другой был бы, – при этом милиционер, забравший документы, потрогал рукой висящую на поясе резиновую палку. – Ты что, тарифов не знаешь?

– На трассе полтинник – выше головы, – сказал Арсений.

– Так то на трассе. А здесь вы так увязли, – милиционер похлопал себя по нагрудному карману, – что – ох как! – не скоро дома будете. А про машину сразу забудьте: заберут машину за оплату стоянки.

Микола шагнул немного вперёд, полез во внутренний карман телогрейки, достал ещё сотку и протянул милиционеру. На внешней стороне кисти руки на мгновение мелькнула флотская татуировка. Но милиционеру хватило этого мгновения: детали происходящего не ускользали от его цепкого взгляда.

– Северный флот? – спросил он.

– Сильный флот, – ответил Микола.

– Боевая часть пять? – снова спросил милиционер.

– Угадал, – подтвердил Микола. – Командир отделения дизелистов.

– А тут и угадывать нечего, раз на КамАЗе ездешь. А что, прикипел к Северу?

– В Белоруссии нет морей, – угрюмо ответил Микола.

– Я на Тихоокеанском служил, – сказал милиционер, но сказал уже более дружелюбно. – Боевая часть три. А это – спрячь.

И он отвёл в сторону руку Миколы с деньгами.

– Тоже неплохо, – сказал Микола, пряча деньги.

И было непонятно, к чему относятся его слова: то ли к службе на Тихоокеанском флоте, то ли к сохранным, тяжким трудом заработанным деньгам.

– Что же вы, ребятки, по Питеру гуляете: неприятностей мало? – снова дружелюбно спросил милиционер, пряча полученные от Арсения купюры в задний карман брюк.

– Так неприятностей всегда хватает, – Микола перехватил инициативу разговора и доводил его до благополучного исхода. – Обломались ночью в Карелии. Вторые сутки голодали. Вот на камбуз и завернули.

Милиционер вынул документы из нагрудного кармана и вернул их Арсению.

– Никуда больше не заходите, – сказал он. – Если на стоянке будут проблемы – мы тут патрулируем.

– Спасибо, брат, – сказал Микола.

– Держи «краба», ответил милиционер и протянул на прощание руку.

Когда «стражи порядка» отошли довольно далеко, Микола сказал:

– Славные денёчки: говоришь спасибо за то, что кто-то забрал себе твои деньги. Завтра за что благодарить будем? За то, что жену изнасиловали? Лучше бы я эти деньги пацанам отдал. Дети работают, а эти – жируют.

И он зло сплюнул на асфальт.

– Если бы нашли остальные деньги – святая вода не спасла бы. А могли бы и бритвой по горлу, – сказал Арсений.

– Это – точно. Вот что: водку под матрас, и «пилим» до дома без остановок. Хватит приключений.

– Хватит, – согласился Арсений.

Только кому есть дело до того, чего мы хотим и на что надеемся?

Мы много страдаем из-за несбывшихся надежд.

Наших надежд.

Мы не страдаем, если не сбылись надежды кого-то другого.

Тех, мимо кого мы проехали в этой жизни. Тех, кого оставили один на один с их бедой. Тех, кого мы, быть может, и не знали.

– Год назад в Питере погиб Толик Невдах, – сказал Арсений. – Будто бы пьяный попал под тягач. Я раньше с ним иногда ездил. Толик не пил. Никогда не пил. Даже пива.

– Людям свойственно меняться, – ответил Микола. – Я его никогда не знал.

– Да, конечно, – задумчиво протянул Арсений. – Но иногда мне становится не по себе: если случится что-нибудь со мной, кто позаботится о моей семье?

– Не забивай голову, – сказал Микола. – Хотя ты прав: не в самое лучшее время мы живём.

– Я всё думаю о тех ребяташках, с заправки: я чувствую свою вину перед ними. И никак не могу понять, в чём она. Но она есть! Есть! – Арсений стукнул кулаком по панели. – А если есть вина – есть и преступление.

2.5

Из Питера до дома добрались немногим более чем за сутки. Ехали почти без остановок: на ходу и ели, и спали. Задержались на часок только в Опочке: заправились дешёвой соляжкой у знакомого армянина – председателя колхоза. Спросили попутный груз – Амирханян часто давал им что-нибудь полулегальное: запчасти на сельхозтехнику, а то и целые трактора. Технику развозили по белорусским колхозам, где у Амирханяна крутились пронырливые посредники, «выкачивающие» по осени из братской республики дешёвое зерно и мясо. Старший брат всегда был умнее младшего. Но попутного груза не нашлось, и это скорее обрадовало, чем огорчило: заканчивалась вторая неделя скитаний.

В гараж Райсельхозтехники, где Арсений арендовал место под стоянку, приехали как раз к окончанию рабочего дня. Слесаря обрадовались: дармовая выпивка будет. Даже завгар пришёл: уж ему-то сам Бог велел. Арсений дал денег «гонцу» – самому молодому – и, пока тот бегал за угощением, написал на листочке завгару, что по машине сделать надо. Работяги тоже порасспросили, скорее ради приличия, как съездили, да потихоньку ворота в боксе на запор и – к столу.

Арсений махнул граммов триста и, шепнув Миколу на ухо, потихонечку ушёл, прихватив пакет с деньгами. Последний дюйм ещё не пройден. Наутро надо было рассчитаться с долгами: картошку у людей под честное слово брали.

По пути домой Арсений заскочил только в магазин, купил пивка и конфет дочери. Других подарков домашним не вёз: они всегда после рейса ходили втроём на рынок, покупали всё необходимое. И цены ниже российских, и примерить можно – со всех сторон лучше, чем брать наугад.

По неосвещённой лестнице поднялся Арсений на второй этаж, нажал кнопку звонка у дверей своей квартиры, и до его слуха донеслась знакомая мелодия. Но дверь никто не открыл. Арсений позвонил ещё раз и, выждав минуту, полез в карман за своими ключами.

В квартире никого не было, и Арсению стало обидно: летел домой, как ужаленный, а никто тебя и не ждёт.

«Так сегодня же пятница, – осенило его. – Точно, поехали ночевать к Марии, чтобы утром ближе было идти в молитвенный дом. Наверное, и днюют, и ночуют там, пока меня нет».

Не нравилась Арсению эта подружка жены: ощупает каждую вещь в квартире завистливыми глазами, осыплет льстивыми речами о том, как вы, мол, хорошо живёте, какая у вас семья дружная и как у вас всё ладится. А потом, будто невзначай, про Бога начинает: «Не собирай сокровища на земле, где тлен и ржа всё истребляют...» И получалось, в конце концов, что одна она праведная, а остальные – грешники. Всё склоняла к «истинной» вере.

Арсений и сам до конца не знал, верил ли он в Бога. В церковь ходил от случая к случаю, но молился про себя, когда встречались по дороге увенчанные крестами купола. Водители-дальнобойщики не любят распространяться по этому поводу. Но у каждого на панели и распятие, и иконка. А как же: не нами установлено – не нам и отменять. Старые люди плохому не научат. Бывалый водитель с интересной фамилией – Боб – в порыве душевного откровения сказал как-то Арсению:

– Утром выходишь из дому – перекрестись и три раза повтори: «Господи, помоги, Иисус Христос впереди!»

И Арсений повторял, особенно перед поездкой или когда нависала над ним какая-нибудь опасность. Вера в душе должна быть, а не на языке. В душе, пожалуй, даже закоренелые атеисты верят. Просто признаться боятся: гордыня одолевает. Человек совсем без веры – ничто. Даже страшно представить такого человека, у которого нет ничего святого. У волка и то, поди, есть хоть капля любви – к волчатам ли, к логову ли, – есть хоть капля своего милосердия.

А Мария всегда молотила языком без устали. И выходило, если судить по её словам, что она – святее самого Папы Римского.

Но Арсений терпел. У других водителей жёны – оторви да брось. Деньги тянут, как насосом. Пьют, гуляют, пока мужики в рейсе. А его Анюта – тихая. Её дома и не заметно. Даже после пьяных загулов – чего греха таить, и такое бывало – жена разборок не устраивала: посадит дочку на колени и плачет втихомолку. А с Марией сдружилась – ну и пусть. Должны же и у неё свои интересы быть, должна же и она чем-то заниматься, пока Арсений в разъездах пропадает.

Ужинать Арсению не хотелось. А скорее лень было самому готовить. Он только скинул с себя грязное бельё и – прямым в ванну. Набрал воды погорячее – благодать. Что ни говори, а дома – это дома.

После ванны переоделся в чистое, выпил пивка и завалился спать.

Утром проснулся свежий, отдохнувший. Побрился, прихватил пакет с деньгами, список кредиторов и – в гараж. «Двадцатьчетвёрка» завелась с пол-оборота: при нормальном уходе – вечная машина. А по проходимости иностранному джипу не уступит. И у Арсения настроение снова поднялось: любил он свои машины, свой дом, свою семью. Быстренько проскочил в деревню, с шутками-прибаутками раздал деньги хозяевам. У тех тоже радость: тянут за стол, самогон в багажник суют.

Часа два Арсений на это дело потратил – не больше. К дому подъехал – совсем светло было. Забежал в подъезд и увидел то, чего в сумерках не заметил: почтовый ящик газетами забит. Арсений, ничего не соображая, открыл его, вынул газеты, зашёл в свою квартиру и сложил их аккуратной стопкой на столе.

Он не знал, зачем сделал это. И не понимал, какой в этом смысл: сложить газеты ровной стопкой на столе.

Просто, так было надо.

Может быть, для того, чтобы отделить прошлое от будущего.

Прошлое – это то, что невозможно ни изменить, ни вернуть. Прошлое – это то, что уже случилось. Случилось, случайно с нами произошло. Случайность, о которой мы не думали. Вернее, думали, что с нами это не произойдёт, не может произойти. С другими – да. А с нами – нет. С другими – это закономерность. А с нами – случайность. Случайность – это то, чего мы не могли предвидеть. Или не хотели. Как отличить, что – случайность, а что – закономерность?

Во Вселенной не бывает случайностей. Во Вселенной всё происходит закономерно.

«Иисус сказал: Был человек богатый, у которого было много добра. Он сказал: Я использую мое добро, чтобы засеять, собрать, насадить, наполнить мои амбары плодами, дабы мне не нуждаться ни в чем... И в ту же ночь он умер».

Во Вселенной не бывает случайностей. Всё, что происходит во Вселенной – закономерно.

Дабы мне не нуждаться ни в чем...

С нами этого не случится, не произойдёт, не может произойти.

2.6

«Господи, помоги, Иисус Христос впереди!»

Перебрал Арсений все бумажки под телефоном – нигде ни адреса, ни номера Марииного не нашёл.

«Господи, помоги, Иисус Христос впереди!»

Открыл дверки шифоньера – всё на месте. Порылся в карманах висевших на вешалке костюмов жены – пусто.

«Господи, помоги, Иисус Христос впереди!»

Заглянул в укромное место под сложенными на полке простынями – ни документов жены, ни денег. Может, перепрятала?

Второпях набрал номер Миколы и услышал его сонный голос:

– Аллю.

– Микола, моих дома нет.

– Ты деньги раздал? – спросил Микола.

– Раздал, – ответил Арсений.

– Ну, так спи. Я вечером приду.

И повесил трубку.

«Чего это я, в самом деле? – подумал Арсений. – Просто надо съездить в молитвенный дом и забрать их. Сейчас всего лишь двенадцать часов. Съездить и забрать – вот и все дела».

Он быстренько набросил на себя куртку и бегом спустился со второго этажа. Сел в машину и только там подумал, что не знает, в какой молитвенный дом ехать: в городе их было три.

«Ладно, – подумал он, – поеду наугад. Пол-Европы объехал, и в родном городе не заплутаю».

Через четверть часа он уже разговаривал со сторожем одного из таких домов.

– У нас сегодня собрание не проводится, – вежливо объяснил ему опрятный мужчина лет тридцати. – Но пресвитер здесь. Если хотите, я могу его позвать.

– А где сегодня...

Арсений не мог выговорить слово «собрание», которое совсем, по его мнению, не подходило в данном случае. Но сторож его понял.

– Сегодня собрание у «субботников». Это на улице Майской.

Арсений поблагодарил сторожа и поехал на Майскую. Эта тихая улочка находилась на окраине города, за железнодорожным переездом.

Как назло, на переезде горел красный сигнал светофора. И Арсений, подпрыгивая, как на иголках, вынужден был ждать, пока пройдёт товарный поезд. А сразу же за переездом машина отчего-то заглохла. Внезапно остановилась, будто натолкнулась на невидимое препятствие.

Арсений покрутил двигатель стартером, но тот не заводился. Делать нечего – пришлось поднимать капот. И причина сразу стала ясна: выскочил центральный провод из распределителя. Никогда в жизни не выскакивал, а тут вдруг выскочил. И главное – непонятно отчего: ни вибрации, ни ударов не было. Наваждение какое-то. Арсений поставил провод на место, и машина снова заработала.

Нужный ему дом он увидел ещё издали: возле него стояли в ряд с десятком легковушек. Через приоткрытые двери дома были видны собравшиеся внутри празднично одетые люди. Арсений остановился так, чтобы не пропустить своих незамеченными, закурил и стал ждать.

Примерно через час из дома стали выходить верующие. Они, оживлённо разговаривая, расходились и разъезжались на машинах, но ни Марии, ни Ани с дочкой Арсений не увидел.

Постепенно людской поток стал уменьшаться и, наконец, двери в доме закрылись и больше не открывались.

Арсений, чувствуя какую-то неловкость, вышел из машины и направился к дому. Он постучал в дверь, и ему открыл молодой, темноволосый парень, одетый в чёрные брюки и белую рубашку. Они поздоровались, и молодой человек вопросительно посмотрел на Арсения. Тот сказал:

– Я хотел бы поговорить...

– Я слушаю вас.

– А вы здесь за старшего?

– Да, – улыбнулся молодой человек.

Он был невысокого роста, с густо покрытым оспинами лицом. Но это не портило его. А в глубине выразительных тёмных глаз то и дело мелькали огненные сполохи.

– Меня зовут Дима, – продолжал он. – Просто Дима.

И снова приветливо улыбнулся.

Арсений тоже представился.

– Давайте пройдем и поговорим, – сказал Дима.

Они прошли в большую комнату и сели на длинную лавку у стены.

– Я разыскиваю свою жену и дочку: их нет дома, – начал Арсений.

Дима внимательно слушал.

– Понимаете, я уезжал в командировку, а когда вернулся, дома никого не было. Я думаю, что они жили это время у Марии. Они вместе ходят молиться.

– Они ходят к нам? – спросил Дима.

– Я не уверен.

– Они ходят по субботам?

– Наверное. Но я тоже не уверен. Понимаете, я не очень интересовался.

– Понимаю, – сказал Дима. – Знаете что: я здесь недавно. Давайте мы позвём одну женщину. Она-то, уж точно, всех хорошо знает.

Дима вышел в смежную комнату и вернулся с маленькой, худой старушкой.

– Мою жену зовут Аня, – сказал Арсений старушке. – Она с дочкой всё время ходит, с Олей. Шесть лет дочке. И с ними ещё одна женщина – Мария. Я ищу их.

Старушка немного подумала и спросила:

– А сегодня вы их не видели?

– Нет, – ответил Арсений.

– Сегодня не было только Нины: она в больнице, – сказала старушка, обращаясь к Диме.

– А может, они к другим ходят? – спросил старушку Дима. – Может, вы их знаете?

Старушка снова немного подумала и сказала:

– Чтобы с маленькой девочкой – то такую Аню не знаю.

И старушка ушла.

– Сейчас в городе очень много течений и толков христианской веры, – сказал Арсению Дима. – Мы исходим из того, что нельзя отступать от истины. То, что написано в священных книгах, нельзя менять по своей прихоти. Это обман и себя, и Бога. Но есть и другие течения. Я никого не осуждаю: каждый волен выбирать. Так что, может, ваши близкие ходят в другой молитвенный дом.

– Я просто растерялся, – признался Арсений. – Вот и бросился их по городу искать. А к вам приехал потому, что в субботу только здесь собираются верующие.

– Да, – сказал Дима. – Мы не отступаем от заповедей, данных нам Богом. Мы следуем слову Божьему, а не толкуем его в угоду своим желаниям. Но очень многие собираются в воскресенье. Вы не отчаивайтесь: найдутся ваши родные. Может быть, они уже дома и ждут вас.

– Может быть, – согласился Арсений, а про себя подумал: «Ну, и дурак я! Со стороны посмотреть – полнейший дурак! И как это у них ещё хватает терпения со мной разговаривать?»

– Вы извините, что я вас отвлек, – сказал он Диме.

– Ну что вы! – снова улыбнулся Дима. – Вы можете придти в любое время и по любому делу. Я здесь для того, чтобы помогать людям – верят они в Бога или нет.

Дима проводил Арсения до выхода и сказал на прощанье:

– Я помолюсь за вас. У вас всё будет хорошо. Только вы не спешите сразу думать о плохом.

Арсений сел в машину и поехал домой.

Всю обратную дорогу он злился и на себя, и на жену, и на Марию. «Хоть бы записку написала, что ли, – думал он о жене. – Никакой серьёзности: полностью во власти этой Марии. Нет, с этим надо кончать! А то пустил всё на самотёк».

Он машинально прибавлял и прибавлял газу, пока, к своему удивлению, вдруг не заметил, что едет по городу со скоростью почти сто километров в час. Перед одним из перекрёстков пришлось даже экстренно тормозить, чтобы вписаться в поворот. Накладки тормозных колодок пронзительно завизжали, и от этого звука Арсений словно очнулся.

Куда это мы так торопимся?

Всю жизнь торопимся.

За деньгами, квартирой, машиной.

Поел – не поел – скорее дальше.

Поспал – не проспал – скорее дальше.

Поворот, ещё поворот – скорее доехать, долететь, добежать...

Куда? Что там, в конце пути?

Остановиться бы, оглядеться...

Некогда: время не ждёт!

«Кто вперёд бежит, а кто – наоборот».

Дима стоял на коленях, один, в огромной комнате, и тихо молился, склонив в смирении голову.

2.7

Когда Арсений подъехал к своему дому, Микола уже ждал его, сидя на лавочке во дворе. Арсений поставил машину на обочину, освобождая узкий проезд. Потом вышел и закрыл дверцу на ключ.

- Ты ко мне поднимался? – спросил он Миколу, пожав ему руку.
- Поднимался, закрыто.
- Представляешь, моей дома нету.
- Я тебе свою отдам, – сказал Микола. – И две банки краски. Дал бы больше, но нету.
- Кроме шуток: как только мы уехали, так они и не появлялись.
- С чего ты взял?
- Газеты никто из ящика не вынимал.

Микола ничего не ответил. Они поднялись в квартиру и сели в кухне за стол, на котором ровной стопкой были сложены газеты. Наверное, вид этой стопки произвёл на Миколу сильное впечатление. Он потёр виски кончиками пальцев и, внимательно просмотрев даты на газетах, сказал:

- Ты прав: со второго дня нашего отъезда их никто не забирал.
- Я не знаю, что и подумать, – сказал Арсений.
- Ни записки, ничего?
- Ничего.
- У соседей спрашивал? Может, им сказала?
- Нет, не спрашивал.
- Ну так сходи и спроси.

Арсений вышел на площадку и позвонил в соседнюю квартиру. Через минуту дверь квартиры приоткрылась на цепочке, и соседка – пожилая полная женщина-пенсионерка – вопросительно посмотрела на Арсения. Тот поздоровался и спросил:

- Вы моих не видели? А то я приехал, а их нету.
- Женщина ничего не ответила, только отрицательно покачала головой.
- А они ничего не просили передать? Может, записку? – с надеждой спросил Арсений.
- Но женщина снова покачала головой, словно не понимала, чего от неё хотят.
- Ладно, извините, – сказал Арсений.

Соседка захлопнула дверь и щёлкнула замком.

Арсений позвонил в другую квартиру, где жил бывший футболист. Тот открыл и, дохнув на Арсения перегаром, спросил:

- Давно приехал? Ну, как там?
- Да вчера приехал, а моих – дома нет. Не знаешь, где они? Ничего не просили передать?
- Не-а, – ответил сосед, и спросил: – «Сотку» потянешь?
- Да нет, спасибо. Я – с Миколой.

Футболист потерял всякий интерес к общению и тоже закрыл дверь.

В третьей квартире никого не было: там проживали муж и жена – «челноки». И застать их дома было практически невозможно.

Арсений вернулся к Миколу.

- Ну? – вопросительно кивнул тот.
- Никто – ничего, – ответил Арсений, присаживаясь за стол. – Что делать – не знаю.
- Бабы, блин, как курицы: ни о чём не думают, – сказал Микола. – Куда она могла поехать?

Ехать Ане было некуда. Отец Арсения уже три года, как умер, и дом в деревне давно продали. А своих родных она не знала: выросла в интернете.

– Некуда ей ехать, кроме как к Марии, – сказал Арсений.

– А где эта Мария живёт? – спросил Микола.

– Если бы я знал, – ответил Арсений.

Микола выбил дробь пальцами по столу.

– Лучше бы моя куда девалась, хоть на пару дней, – пошутил он, но шутка не удалась.

На некоторое время воцарилось молчание, а потом Микола произнёс то, что оба они так не хотели говорить:

– Надо звонить в милицию.

– И что сказать?

– Что есть, то и сказать.

Арсений всячески отгонял от себя мысль, что могло случиться что-то непоправимое. Он думал, что звонок в милицию может стать именно тем «водоразделом», той невидимой, тонкой гранью, из-за которой не будет возврата к прежнему, устоявшемуся укладу жизни. Он боялся, что этот звонок спровоцирует необратимый процесс «цепной реакции», спровоцирует «сход лавины», из-под которой уже невозможно будет выбраться. Поэтому он сказал:

– Если бы что случилось, то у неё паспорт с собой.

Микола немного подумал и согласился.

Но несомненным было одно: надо что-то делать. И это угнетало. Угнетало то, что два серьёзных, сильных мужика не знали, как правильно поступить в сложившейся, не самой, казалось бы, трудной жизненной ситуации.

– Ладно, – наконец, сказал Арсений. – Без паники: иди домой, а завтра я прочешу ещё раз все молитвенные дома. Должен ведь хоть кто-нибудь их знать. Человек – не иголка.

На том и порешили. Микола пошёл домой, понёс деньги своей «ненаглядной», а Арсений остался один в пустой квартире.

Раньше Арсений никогда не оказывался в таком положении: дома всегда кто-то был. И теперь непривычное для него одиночество пугало, беспокоило, не давало посидеть на месте.

Одиноко было не только в квартире, но и в душе.

«Человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек – один...»

Он включил телевизор и почти сразу же выключил: голоса и музыка из динамика ещё больше подчёркивали пустоту дома. Ничего не хотелось делать: ни готовить ужин, ни раскладывать привезённые вещи, ни читать газеты.

Арсений сел за кухонный стол и стал смотреть в окно. Просто смотреть, не различая ничего, что происходило за стеклом. Он долго сидел, почти не двигаясь, как статуя. А потом, когда на улице зажглись фонари, открыл холодильник, налил из запотевшей бутылки полный стакан водки и выпил без закуски. Это помогло: через полчаса он уже спал, одетый, на диване.

«Волга» в эту ночь осталась стоять под окном.

2.8

Наутро Арсений вскочил ни свет ни заря: часы в зале на стене показывали только половину пятого. Было ещё рано куда-то ехать, но снова лечь в постель он уже не мог: нетерпение овладело им, не давая ни минуты покоя.

Он вскипятил чайник и заварил крепкий чай. Этому его научил Микола, который считал крепкий и сладкий чай универсальным средством: пьяного – протрезвит, больного – вылечит, сонного – взбодрит, а нервного – успокоит. Так оно и случилось: приятная теплота разлилась по телу, и ситуация стала казаться не такой уж и безвыходной.

«Двадцатый век на Земле, – думал Арсений. – Со спутника теннисный шарик фотографируют. Так что просто исчезнуть никто не может. Даже если бы захотел – всё равно не получится».

Он не сомневался, что Аня и Оля найдутся. Это его почти не беспокоило. Его беспокоило другое: почему они ушли из квартиры на такое продолжительное время? И выходило, что где-то в другом месте им было лучше, чем у себя дома. Почему? Их никто не обижал. Арсений, конечно, требовал порядка. Но ни разу не ударил ни жену, ни дочь. У Миколы, вон, через день – «на ремень»: то Вика ходит с «фонарями», то он сам поцарапанный. И – ничего. Микола только отшучивается: «На дерево лазил».

Да, конечно, Арсений не вникал в те проблемы, которые могли быть у его жены. Собственно, никаких проблем быть и не могло: деньгами он обеспечивал, по бабам не таскался. Что ещё надо? Не мог же он сидеть с ней вечерами и мотать клубки с нитками. Каждый должен выполнять свои обязанности. Что тут непонятного? Единственно разумное объяснение, которое нашёл Арсений, так это то, что «с жиру бесятся». На работу ходить не надо, корову доить – тоже. Свободного времени – хоть отбавляй. Вот и «подъел хлеб шкуру». Так оно всегда бывает: взвалишь все проблемы на свои плечи, а вместо благодарности – какие-то капризы, какие-то непонятные фокусы. Арсению стало обидно: получалось, что с ним не считались, его не ставили «ни в грош». Что он есть, что его нету...

До семи часов утра Арсений напился чаю, накурился до одури и пошёл заводить машину. В голове шумело, как после многодневной пьянки, и настроение было соответствующим.

«Подождите, куплю я вам новых шмоток на базаре! Будете вы у меня пахать, как папа Карло!»

К тому молитвенному дому, где вчера не было «собраний», он подъехал как раз с первыми посетителями. Арсений вышел из машины и стал у калитки, как контролёр на стадионе. Люди, проходившие мимо, с удивлением рассматривали его, но Арсению было «фиолетово»: он еле сдерживал злость. Минут через пятнадцать к нему подошёл невысокий, седой старичок, поздоровался и спросил:

– Вы кого-то ждёте?

Арсений вкратце описал ситуацию, с трудом скрывая своё раздражение.

– Знаете что, – сказал старичок, – вам нет необходимости стоять у входа – проходите внутрь. Я дам вам стульчик, и вы спокойно сядете у дверей. Вам будут видны все, кто приходит. А то здесь прохладно, да и неудобно. И ещё: напишите мне на листочке фамилию своих родных и номер вашего телефона. Я попробую вам помочь.

Предложение было разумным, и Арсений согласился со старичком. Он написал на листочке из блокнота всё, что было необходимо, отдал старичку и прошёл вслед за ним внутрь молитвенного дома.

Комната, в которой собирались верующие, была довольно большой, рассчитанной на человек сорок-пятьдесят. Вдоль стен стояли окрашенные в коричневый цвет скамейки, а посередине – ряды складных стульев. У торцевой стены стоял стол, покрытый однотонной,

тёмно-вишнёвой скатертью. Вместо икон под потолком висели красиво вышитые на ткани цитаты в золоченых багетовых рамках.

Арсений присел на скамейке у входной двери и стал наблюдать за происходящим. Празднично одетые люди разных возрастов – мужчины и женщины, пожилые и дети – постепенно заполняли комнату, рассаживаясь на стульях. За столом сели уже знакомый Арсению старичок и ещё двое мужчин помоложе. Старичок стал что-то негромко говорить, изредка поглядывая в лежащую перед ним раскрытую книгу. И шум в комнате постепенно затих, так что Арсений смог разбирать слова старичка. Но он не вникал в смысл этих слов, а внимательно рассматривал опоздавших, которые тихонько, стараясь не помешать остальным, пробирались к свободным местам. То ли в комнате, наконец, воцарилась полная тишина, то ли старичок начал говорить громче, но до Арсения стали долетать довольно отчётливые, хотя и не совсем понятные фразы.

– Увидев это, я пал на лице свое, и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою, – монотонно произнёс старичок.

Арсений последовательно, стараясь никого не пропустить, рассматривал присутствующих.

– И эти сыны с огрубелым лицом и с жестоким сердцем; к ним Я посылаю тебя, и ты скажешь им: «так говорит Господь Бог!» Будут ли они слушать, или не будут, ибо они мятежный дом; но пусть знают, что был пророк среди них. А ты, сын человеческий, не бойся их и не бойся речей их, если они волчцами и тернами будут для тебя, и ты будешь жить у скорпионов; не бойся речей их и не страшись лица их, ибо они мятежный дом; и говори им слова Мои, будут ли они слушать, или не будут, ибо они упрямы, – продолжал старичок. – Ты же, сын человеческий, слушай, что Я буду говорить тебе; не будь упрям, как этот мятежный дом; открой уста твои и съешь, что Я дам тебе. И увидел я, и вот, рука простерта ко мне, и вот, в ней книжный свиток. И Он развернул его передо мною, и вот, свиток исписан был внутри и снаружи, и написано на нем: «плач, и стон, и горе».

Ряд за рядом, кресло за креслом, человек за человеком – Арсений не пропускал ни одного лица.

А пресвитер продолжал свою проповедь, и голос его крепчал, набирал силу:

– ... И совершу над ними великое мщение наказаниями яростными; и узнают, что Я Господь, когда совершу над ними Мое мщение.

Ни Ани, ни Оли, ни Марии среди пришедших не было. Дверь в доме оставалась приоткрытой, и Арсений, стараясь не привлекать к себе внимания, направился к выходу. Напоследок он услышал:

– ...Путь праведника усеян деяниями злодеев и тиранов. Блажен тот, кто указывает несчастным и слабым путь к счастью, ибо он и есть истинный пастырь...

Арсений вернулся к своей машине: надо было ехать ко второму дому, пока оттуда не разошлись верующие.

Второй дом находился недалеко от рынка, и проехать к нему на машине не удалось: узенькая улочка была загромождена ящиками с товаром, прицепами, разнообразными тележками и прочим принадлежностями для торговли. Поэтому Арсений припарковался на соседней улице и пошёл к входным воротам пешком. Он не стал заходить внутрь дома: остался у калитки, греясь на солнышке. Оно взшло довольно высоко и немного согрело остывшую за ночь землю. Но приближение холодов уже угадывалось по некоторым почти незаметным приметам. И хотелось ещё хоть немного, ещё хоть чуть-чуть почувствовать прикосновение уходящего лета.

Арсений простоял около двух часов, пока последний посетитель не вышел из молитвенного дома. От непривычки – за рулём-то всё время сидишь – болела спина, и настроение совсем упало. Да ещё вдобавок ко всему налетели тёмные тучки и начал моросить дождик. День стал хмурым, и на душе опять заскреблись кошки.

«Хмарь такая на душе – хоть петлю на шею...»

Оставалась ещё небольшая надежда на звонок старика-пресвитера, который утром взял листок с телефоном и другими данными. Эх, надежда, надежда! Кто хозяин над тобою?

«Господи, помоги, Иисус Христос впереди!» – вот и всё, что приходило Арсению на ум.

Он незаметно от прохожих, тайком, как тать в ночи, перекрестился.

«Пресвятая Богородица... помоги».

И к ужасу своему понял, что за всю жизнь так ни разу по-настоящему и не молился: не умел. Даже «Отче наш» не знал: не было необходимости.

Что же делать?

Делать нечего: Арсений поехал домой. Он купил по дороге продуктов и бутылку водки – вместо «Отче наш», – оставил машину у подъезда и поднялся в свою квартиру. Где-то в глубине подсознания снова вспыхнула на какой-то миг надежда и тут же угасла: дома никого не было.

Положив продукты в холодильник, Арсений позвонил Миколу. Тот поднял трубку и пьяным голосом спросил:

– Кто это?

– Я это, – не скрывая зла, ответил Арсений.

Ему было слышно, что у Миколы шумят и хохочут гости. Как можно было веселиться в такой день?

– Слушай, Арсен, я сегодня гуляю, – сказал Микола. – Давай созвонимся завтра с утра.

– Давай, – согласился Арсений и положил трубку.

Потом он отогнал машину в гараж, вернулся домой и напился в одиночку. Напился так, что не помнил, как добрался до постели. Напился потому, что для него уже было очевидно: добром не кончится.

Я кричу – не слышу крика,
Не вяжу от страха лыка,
Вижу плохо я,
На ветру меня качает...
«Кто здесь?» Слышу – отвечает:
«Я, Нелёгкая!»

Как ни странно, но водка помогла. Помогла вопреки всем разумным рассуждениям всяких дипломированных врачей и психологов: утром он проснулся абсолютно спокойным, с вполне чётким планом действий.

В первую очередь Арсений ещё раз осмотрел все вещи: не хватало нескольких костюмов Ани, многих вещей Оли. И – самое главное – не было на месте двух чемоданов: большого и маленького. В ванной, в висевшем на стене зеркальном шкафчике, не было их зубных щёток. Значит, они собирались не спеша, и собирались надолго. Документов и шести тысяч долларов – всех семейных сбережений – тоже нигде не было.

Арсений порылся в коробке со старыми бумагами, которая лежала в антресолях шифоньера, и нашёл квитанции и бланки оплаты паспортов: Аня и Оля собирались ехать следующим летом на оздоровление в Италию. Он переписал номера и серии документов в свой блокнот и поставил коробку на место. Потом выбрал из альбомов подходящие фотографии жены и дочери и положил их в свой паспорт.

За завтраком допил стопку водки, оставшуюся с вечера: просто так, для «поддержки тонуса». Побрился, почистил зубы мятной пастой, надел костюм и пешком пошёл в милицию.

Это было, по мнению Арсения, единственно правильное решение.

2.9

Эх, человек, человек! Как мало тебе надо! Нет, не пища и не воздух тебе жизненно необходимы. Нет, не свобода, за которую ты бьешься насмерть с незапамятных времён. И не любовь, которую ты воспеваешь и превозносишь до самых небес. Всё, что тебе надо в этой жизни, вмещается в одном-единственном коротком слове – иллюзия. Иллюзия, которая ведёт тебя по замкнутому кругу, не отпуская и не подпуская. Иллюзия, как клочок ароматного сена, привязанного перед давно ослепшей лошастью, изо дня в день вращающей ворот подъёмника примитивной шахтёрской клетки.

В вестибюле горотдела Арсений подошёл к окошку дежурного и сказал:

– У меня пропали жена и дочь.

В застеклённой, отгороженной части вестибюля находились два офицера: один сидел за пультом, а второй – майор – перебирал бумаги у окна приёма посетителей. На руке у майора была повязка с надписью: «Дежурный».

– Как пропали? Поподробнее, пожалуйста, – уточнил майор.

– Я две недели был в отъезде, а когда вернулся, дома их не было.

– Ну и что?

– Газеты за две недели лежали в почтовом ящике: их никто не вынимал.

– Ну и что? – повторил дежурный.

– Нет их документов, нет денег, и соседи их не видели.

– Ну и что? – дежурный заладил, как попугай.

– Их нет. Я дома уже два дня, а их нет. Их надо искать.

Арсений понемногу терял терпение.

– В квартире сохранились следы преступления? – спросил дежурный.

– Какие следы? – не понял Арсений.

– Кровь, беспорядок, поломанные вещи, следы борьбы, пропажа ценностей.

– Нет, – опешил Арсений. – Всё в порядке.

Дежурный наклонился к окошечку и застыл на мгновение, а потом спросил:

– Давно в запое?

Видимо, уловил запах перегара, как Арсений ни старался чистить зубы.

– Я только вчера вечером немного выпил, – сказал он.

– Если бы немного, то и слышно не было бы, – разумно возразил дежурный и добавил: – Идите домой и не морочьте тут голову: у нас есть и более важные дела, чем ваши семейные проблемы решать.

И заметив, что Арсений не торопится отойти от окошка, сказал с решительной интонацией:

– Сейчас доставим, куда следует, и неприятности я вам гарантирую, – и, обращаясь к сослуживцу у пульта, сказал: – Обнаглели до предела: в милицию пьяными приходят. Права тут качают.

– Кто это там такой неугомонный? – сослуживец дежурного выглянул из-за пульта и добавил хриплым голосом, подражая Высоцкому-Жеглову: – Ты ещё не угомонился?

– Не надо мне тыкать, – ответил Арсений, не скрывая злые интонации в голосе. – Я не за милостыней пришёл. Вам государство деньги платит. Из моего кармана, между прочим.

– Ух ты какой! – проговорил тот, который сидел за пультом, нажимая какие-то кнопки на клавиатуре.

Арсений уже собирался отойти от окошечка, как вдруг два омоновца, стоявшие у входных дверей, подошли незаметно сзади и уверенно схватили его за руки. Сгоряча он ещё попы-

тался высвободиться, но омовцы отработанным движением заломили ему руки за спину, и резкая боль не давала Арсению возможности хоть немного пошевелиться.

– За что? – спросил Арсений, пытаясь повернуться лицом к омовцам.

Но те безразлично молчали. Минут через пять в поле зрения Арсения появился невысокий капитан в очках и спросил у дежурного в окошке:

– Куда его?

– В наркологию, – услышал Арсений голос дежурного. – А если не примут – вези обратно.

Мы его, кормильца, обязательно примем.

Всё произошло так быстро, так неожиданно и так нелепо, что Арсений растерялся. Он стоял, глядя по сторонам сумасшедшими глазами, потеряв всякую способность рационально оценивать ситуацию. Иллюзия рассыпалась на мелкие осколки, и жизнь потеряла всякий осознанный смысл.

Омовцы вывели Арсения на улицу, как глупого бычка на верёвочке, и запихнули в кузов легкового УАЗика, приспособленного для перевозки нарушителей.

Очкастый капитан сел в кабину к водителю и сказал:

– В наркологию.

УАЗик тронулся с места и поехал по улице, а Арсений всё никак не мог сообразить, что, в конце концов, происходит.

Перед входом в наркологический стационар УАЗик остановился, и водитель, вооружившись резиновой палкой, вывел Арсения из машины. Капитан нажал кнопку вызова, и через минуту обитая железом и окрашенная в серый цвет дверь открылась. Арсения ввели в приёмный покой, усадили на покрытую клеёнкой кушетку и оставили на попечение водителя, который всем своим видом показывал, что любые шутки с ним закончатся плохо. Арсений даже и не думал сопротивляться. Он вообще не понимал, чего от него хотят. Он не собирался отрицать того, что выпивал: всё равно анализ будет положительным. Для этого не было необходимости везти его к врачам: достаточно было дать «дыхнуть в трубочку». Но он ведь ничего такого не сделал, чтобы возить его, как преступника.

Арсений с нетерпением ждал, когда всё это «недоразумение» закончится, и можно будет вернуться домой. А назавтра сделать всё по-другому, по-умному.

Минут через пятнадцать за Арсением пришёл капитан и отвёл его в кабинет к врачу – пожилому, какому-то отстранённому, не от мира сего, мужчине. Врач, постоянно поправляя спадающие с носа очки, заполнил медицинскую карточку, узнав у Арсения необходимые данные, и спросил:

– Сколько дней вы уже пьёте без перерыва?

– Три дня, – честно ответил Арсений.

– А раньше запои были?

– Не было никаких запоев.

– Какие у вас отношения в семье? Ваши родные, что, ушли из дома?

– Какое вам до этого дело? – с оттенком грубости, вопросом на вопрос ответил Арсений.

Врач что-то долго писал в карточке, а Арсений ждал, когда у него возьмут кровь на анализ.

– С какого возраста вы пьёте? – спросил врач.

– С совершеннолетнего, – ответил Арсений.

Врач только кивнул головой и снова стал писать в карточке. А потом спросил у капитана:

– Кто направляет?

– Пишите: участковый, – сказал капитан. – А завтра он всё оформит. Мы свободны?

– Да, – сказал врач.

Капитан и водитель ушли.

– А мне что делать? – спросил Арсений.

– Сейчас, – сказал врач и, приоткрыв дверь, кого-то позвал.

В кабинет вошла пожилая женщина из медперсонала, равнодушно взглянула на Арсения и спросила у врача:

– Наш клиент?

– Да, – сказал врач. – Дайте ему переодеться и покажите койку.

– Какую койку? – не понял Арсений.

Осколки иллюзии стали сами по себе складываться в нечто новое, но это новое было совсем не похоже на старое. Старое в этом новом было искажено до неузнаваемости и выглядело, как уродливое отражение в кривом зеркале. Уродливому отражению, чтобы стать реальностью, много не надо: достаточно, чтобы на него смотрели, не отрываясь. Достаточно укрыть от взоров прекрасный оригинал, упрятать его подальше с глаз, чтобы никто не смог сравнить, чтобы никто не смог усомниться. Усомниться в том, что кривое подобие – это и есть единственно возможная правда на земле.

2.10

Пространство и время – относительны. Их не замечаешь на свободе, когда нет никаких границ, никаких запретов. Но они становятся совсем другими, когда непреодолимым препятствием на пути встаёт жёсткий, грубый, унижительный запрет: нельзя! Не просто нельзя, а именно тебе нельзя. Именно тебе. Потому, что ты – не такой, как все. Ты – изгой, ничтожество, раб.

В коридоре, у стенки, стояла койка, на которой лежал привязанный бинтами за руки и ноги небритый мужик с растрёпанной рыжей шевелюрой. Видимо, он обессилел от бесплодных попыток сбросить с себя путы, и отдышал, тяжело дыша и безумно вращая глазами яблоками.

– Успокойся, успокойся, Малашкин, – сказала женщина-медработник, проходя мимо привязанного.

Эта картина настолько поразила Арсения, что он окончательно впал в транс. Он даже не пытался задавать какие бы то ни было вопросы. Он стал воспринимать происходящее таким, какое оно есть, без своей собственной критической оценки, без размышлений отдаваясь влекущему его течению жизни. Жизни непонятной, непоследовательной, состоящей из нелепых, не имеющих видимой связи фрагментов.

– Арсен! – вдруг услышал он своё имя и оглянулся.

Из дверей палаты выглядывали её обитатели: глазеть на новенького было хоть каким-то развлечением.

– Арсен, это я – Тигран.

Арсений узнал в одном из пациентов водителя-армянина по прозвищу Тигра, образованному от его имени.

Женщина-медработник спросила Тиграна:

– У вас есть место в палате?

– Да, – ответил Тигран и, искренне обрадовавшись неожиданной встрече, сказал Арсению: – Давай ко мне, братишка.

Он взял Арсения за руку и провёл, как ребёнка, к свободной койке.

– Он первый раз, – сказала женщина-медработник. – Так что ты присмотри за другом.

– Конечно, присмотрю, – заверил её Тигран.

Он так и не избавился от своего кавказского акцента, хотя жил в Белоруссии уже много лет.

– Где я? – спросил его Арсений.

– Э, да ты совсем плохо выглядишь, – сказал Тигран, произнося слово «плохо» через «ё». – Подожди: сейчас поправим дело.

Он полез в платяной шкаф и откуда-то из-под потолка достал зелёную пластиковую бутылочку от «фанты» и небольшой пластиковый стаканчик. Открыв пробку, Тигран налил полстаканчика жидкости и протянул Арсению. Тот выпил. Это была водка.

– Ну, как? – спросил Тигран.

Арсений только несколько раз кивнул головой.

Тигран засмеялся, довольный тем, что помог товарищу, и спросил:

– А помнишь, как Вагизу картошку возили?

– Да, – снова кивнул головой Арсений.

– Я тут пацанам рассказывал, а они не верят, – сказал Тигран, указывая на двух других пациентов, сидевших на своих кроватях. – Вот человек подтвердит.

Арсений не понимал, что надо подтвердить, но согласно кивнул головой.

Выпитая без закуски водка подействовала неожиданно сильно, и Арсений сказал, ни к кому не обращаясь:

– Сейчас я с ними разберусь.

Тигран присел к нему на постель и сказал:

– Не надо, Арсен: к кровати привяжут.

– За что они меня? – спросил Арсен.

– Не связывайся с ними, – посоветовал Тигран.

А третий пациент палаты, бородатый мужик лет тридцати, только ухмыльнулся:

– Не переживай, здесь все такие: всех ни за что повязали.

Но Арсений продолжал попытки встать и выйти из палаты. Тогда Тигран попросил:

– Потерпи минуточку, сейчас мы всё уладим.

И выбежал в коридор. А через минуту-другую вернулся с молодой медсестрой, в руке у которой был шприц.

– Вот, Светик, – сказал Тигран медсестре, – совсем другу плохо.

– Только ради тебя, – сказала Светик Тиграну и безапелляционно добавила, обращаясь к Арсению: – Ложитесь лицом вниз.

Арсений послушно лёг, и Светик сделала ему укол пониже спины. Сделала быстро и так профессионально, что Арсений даже не почувствовал боли.

– Сводите его в туалет, – сказала, уходя, Светик.

Арсений не понял последней фразы. Он многих вещей не понимал в этот день. Многие элементарных вещей, смысл которых ему открылся немного позже.

– Пойдём, сходим, перекурим, – сказал Тигран Арсению, и тот согласился.

Но встать с постели оказалось не так просто, и Тигран помог ему сделать это. Невесть откуда взявшийся туман обволакивал все предметы вокруг, и Арсений совсем потерял ориентацию. Ему стало казаться, что он – это не он, и голос Тиграна доносился откуда-то изда-лека. Последнее, что он запомнил в этот день, это странные, перекошенные и неестественно вытянутые лица. Лица внушали какой-то животный страх, в них таилась опасность, и Арсений боялся повернуться к ним спиной. Он знал – и не сомневался в истинности этого неизвестно откуда взявшегося знания, – он знал, что, как только повернётся к этим лицам спиной, они набросятся на него.

«А ты, сын человеческий, не бойся речей их и не страшись лица их».

2.11

Микола разыскал Арсения только к концу следующего дня. Он пришёл в комнату свиданий, принёс передачу: банку с горячими пельменями в масле, хлеб и кефир.

– Пиво не смог пронести: забрали, гады, на входе, – сокрушался он.

И потом, глядя, как Арсений с жадностью ест, добавил:

– Не отчаивайся: выдернем.

– Когда? – спросил Арсений.

– Не раньше, чем через десять дней, – и, уловив недоуменный взгляд Арсения, пояснил: – Тебе же лучше будет. Я их систему знаю. Но мы их обезвредим, только надо потерпеть.

Микола действительно знал эту систему. Его Вика работала в горполиклинике и была на короткой ноге со многими влиятельными медиками в городе.

– Ну, десять дней – это не десять лет, – согласился Арсений.

Это был уже не тот Арсений, которого раньше знал Микола. За последние сутки он пережил и передумал больше, чем, казалось, за всю свою предыдущую жизнь.

«Сам виноват: сам пришёл, сам напросился. Никто не тянул ни за рукав, ни за язык. Вроде, взрослый человек, а жизни не знаешь, – укорял он себя, ворочаясь на больничной койке. – Столько вёрст исколесил, столько видел-перевидел, а ума не нажил. Забыл, кто такие менты; забыл, как с ними разговаривать надо. Нашел, у кого сочувствие искать! Не так это делается, не так. Нужны либо блат, либо деньги. В любом случае заходить с чёрного хода надо: не подмажешь – не поедешь. Или хитрость какую придумать? А если нет хитрости? Если привык верить тому, что на бумаге написано? – спрашивал он себя, и сам же отвечал: – Тогда сиди в психушке или в зоне. И там, и там – решётки на окнах, – и подводил итог: – Дураком был – дураком и остался. Обидно, но это – правда».

Да, за последние сутки он стал гораздо мудрее. Он стал гораздо опытнее и старше. Он больше не бросался на железные прутья решётки, как молодой волк в зоопарке. Он терпеливо рассматривал тех, кто был по другую сторону жизни, выжидая, когда наступит его миг, когда придёт момент его торжества.

2.12

Тигран был настоящим другом. Если бы не он, наломал бы Арсений дров в очередной раз. Но Тигран от природы обладал способностью уговорить кого хочешь. Он умел так просить, что отказать ему было невозможно.

И тогда, когда они везли двумя фурами картошку Вагизу – азербайджанцу из Питера, – и тогда Тигран был душой компании. Они остановились переночевать на стоянке возле Пскова. Уже подмораживало, и холодный ветер пронизывал до костей, когда Арсений перебежал в кабину к Тиграну, чтобы всем вместе поужинать.

– Холодно, Вагиз, – так и сказал Тигран.

– Холодно, – согласился Вагиз.

– Нет, ты какой-то нерусский, – снова сказал Тигран.

– Почему я нерусский? – серьезно спросил Вагиз. – У меня паспорт русский.

– Русский человек без бутылки за стол не садится, – продолжал свою линию Тигран. –

Надо бы чем согреться.

– Нет водка, – отрезал Вагиз.

– А если подумать? – настаивал Тигран. – Может, где-нибудь под картошкой завалялась?

– Откуда знаешь? – Вагиз крутился на сидении, как будто его шилом кололи.

– Так не первый раз еду, – сказал Тигран.

– Далеко стоит, не достанешь.

– Я не достану? – Тигран скинул телогрейку и выскочил из кабины.

– Почему все водители такие пьяницы? – спросил Вагиз у Арсения.

– Работа такая, – усмехнулся тот в ответ.

Из кабины было слышно, как Тигран шурудит в фуре. Минут через десять-пятнадцать он вернулся, весь в пыли, держа между пальцами каждой руки по три бутылки водки.

– Вах! Вах! – застонал Вагиз, хватаясь за голову. – Зачем так много?

– Чтобы второй раз не лазить, – резонно ответил Тигран.

По его лицу Арсений определил, что седьмая бутылка была уже у Тиграна в желудке.

2.13

– Тут свои порядки, – учил Тигран Арсения на следующее утро, когда тот пришёл в себя. – Если сам сдался – через десять дней могут отпустить, если жена сдала – она может и забрать, а если менты привели – месяц без разговоров. А могут и на второй срок оставить.

– Разве кто-нибудь сам приходит? – удивился Арсений.

– Конечно, – сказал Тигран и, понизив голос, добавил: – Коля-борода сам пришёл: чтоб не посадили, время тянет. И дедушка сам пришёл: летом в сарае живёт, а на зиму сюда приходит.

– А ты? – спросил Арсений.

– Меня участковый оформил, – вздохнул Тигран. – Моё дело неважно: скоро суд.

– Какой суд?

– В ЛТП посадят, как пить дать посадят: участковый злой на меня.

Тигран достал из тумбочки две полулитровые банки, налил в них воду из пластиковой бутылки и включил кипятильник, сделанный из двух бритвенных лезвий – «машину» – присоединив провода к патрону лампочки. Эйнштейн такую установку не изобрёл бы: интеллекта не хватило бы. Хотя, если бы его в ЛТП... Жизнь – такая штука – чему хочешь научит.

– Сейчас чаю попьём, и тебе совсем хорошо станет.

– Мне и так не плохо, только голова трясётся, – сказал Арсений.

– Это от укола, – пояснил Тигран. – Но я очень за тебя боялся. У тебя вчера такой вид был, что ты, точно, мог кого-нибудь убить. Хорошо, Светик дежурила. Я ей как раз босоножки прошил. Вот она и не отказала. Иначе плохо могло быть. А так немного пошумит в голове, да и всё. Вот чаю сейчас попьём.

Тигран насыпал заварку прямо в банки и накрыл их бумажными листочками, чтобы аромат не улетучивался.

– Я тут уже в четвёртый раз, – сказал он. – Судьба такая. Потому и всех знаю. В город каждый день езжу за «баландой». Мне доверяют, что не сбегу. А куда мне бежать? Я в городе и сигарет, и водочки куплю – были бы деньги. А деньги можно и тут заработать: я же не только водитель, но и сапожник. Без дела не сижу.

И Тигран показал Арсению тумбочку, заваленную обувью и сапожным инструментом.

Потом они пили крепкий, обжигающий чай, и Арсений понемногу возвращался в реальный мир, привыкал к этой нерадостной действительности. Судьба – злодейка, а жизнь – копейка. Копейка, брошенная на землю чьей-то равнодушной рукой. Копейка, закатившаяся в грязную, забитую всяким мусором щель. Да и плевать – не велика ценность!

– Здесь только кормят плохо, – продолжал Тигран. – А так – жить можно. Главное – никого не трогать, и тебя не тронут. Вот дедушка – уже второй срок заканчивает. И на третий хочет остаться. А куда ему идти? Домой не пускают – не нужен, в приют не берут – есть своя квартира. Вот я из ЛТП вернусь и тоже сюда попрошусь. Меня тут уважают, мне здесь лучше, чем дома.

«Он прав, – подумал Арсений. – Здесь лучше, чем дома».

И Арсений как-то незаметно для себя втянулся в новый уклад жизни. Благо, отношение персонала к «больным» – алкоголикам – было очень даже хорошим. Тигран сказал правду: никого не трогай – и тебя не тронут. А всё лечение сводилось к витаминным уколам и очищающим кровь капельницам. Чем тебе не курорт? Недаром дедушка выписываться не хотел.

Микола ещё приходил два раза, приносил продукты и сигареты. Рассказал и свой план, по которому Арсений должен был выписаться на десятый день.

Арсений поделился планом с Тиграном, и тот сказал:

– Сработает. Только чтобы точно вместо этой гадости глюкозу ввели. Иначе беда может быть.

За десять дней Арсений ещё больше сдружился с Тиграном. У них всё стало общее: и продукты, и сигареты, и выпивка. Тигран день через день то пива привезёт, то водочки. Арсений Тиграну сапожничать помогал: точил ножи, правил шила. И с соседями по палате установились нормальные отношения. Дедушка только сигареты просил, а Коля-борода книги читал, не встречая в душевные разговоры.

А разговоры за это время у Арсения с Тиграном были разные. Но в основном вспоминали о шофёрских буднях, об общих знакомых, о тех местах, в которые заносила их погоня за рублём да романтика дальних дорог. А вспомнить, конечно, было что. Дорога, как и жизнь: петляет меж гор и лесов, поднимается вверх и стремительно уходит вниз, радует и огорчает. На дороге рождаются и умирают, находят и теряют, любят и ненавидят. Да, дорога – это жизнь. Или скорее образ жизни. Не самый, кстати, плохой образ. Было, было о чём вспомнить и о чём поговорить. Вот только про свою семью Арсений даже не заикался. Он подавлял в себе любые, самые робкие, самые отдалённые мысли на эту тему. Он боялся, что та стихийная сила, которая ассоциировалась в его психике с перекошенными, страшными лицами, снова вылезет наружу и попытается овладеть им.

2.14

В последний день Арсения вызвал заведующий отделением и попросил подписать расписку-предупреждение, в которой было указано о возможных последствиях употребления алкоголя. А потом его повели в процедурный кабинет, где медсестра, подмигнув краешком глаза, ввела ему в вену при свидетелях раствор глюкозы. Медсестра делала свою работу очень медленно, нарочито тщательно, и при этом всё время спрашивала:

– Вы чувствуете жар в теле?

– Да, – отвечал Арсений, не чувствуя никакого жара.

– Потерпите немного, – говорила медсестра, хитро поглядывая ему в глаза. – Это реакция на остатки спиртного в вашей крови.

Примерно через полчаса процедура была закончена, и ещё минут пятнадцать ушло на оформление бумаг. В общей сложности Арсений отсутствовал в палате около часа, а когда вернулся в слегка приподнятом настроении, Тиграна уже не было.

– Всё, увезли твоего друга, – сказал Арсению Коля-борода. – Уж так он просил, чтобы подождали: хотел с тобой попрощаться. Да куда там! Еле собраться успел. Вот оставил тебе на память.

И Коля показал на лежащие в тумбочке пассатижи.

Лица вытянулись и перекошились в злобной усмешке: мы тебя где хочешь достанем!

Арсений взял пассатижи и положил их в карман пиджака.

«Эх, Тигра, Тигра!»

Арсений подумал, что он хотел бы много чего хорошего сказать Тиграну: тот мог бы пожить у него, когда вернётся из ЛТП. Да и вообще, мог бы всегда рассчитывать на любую помощь с его, Арсения, стороны. Хотел бы сказать, да не успел. Вот так всегда: когда надо сделать что-то настоящее, не фальшивое, доброе – почему-то не успеваешь. Не успеваешь из-за каких-то мелочей – эгоистичных, второстепенных, преходящих и лживых, – отнимающих бесценные минуты и без того короткой жизни. Жизни, в которой должен быть хоть какой-то смысл – хоть немного, хоть чуть-чуть, хоть самую малость. Хотя бы ровно столько, сколько надо человеку, чтобы отличаться от животного.

Кто ворует жизнь у человека? Жизнь – единственную и неповторимую. Кто подменяет главное второстепенным, важное – мелочным, а по-настоящему дорогое и ценное – пустой, блестящей мишурой?

– Не переживай сильно: год быстро пролетит. Вернётся Тигран, никуда не денется, – успокаивающе сказал Коля, глядя на Арсения поверх очков.

– Да, – согласился Арсений, и подумал: «Да только этот год уже не вернётся никогда».

Потом он переоделся, сложил в пакет свои вещи, попрощался с Колей и ушёл домой.

По дороге купил в магазине продуктов, сигарет и бутылку водки.

«Буду пить в одиночку и в самом деле сопьюсь, – мелькнула мысль. – Сдохну, как собака под забором. Ну и наплевать. Пусть всё к чёрту катится!».

Эх, судьба-злодейка!

Ну-ка, повернись!

Жизнь моя – копейка,

Так и быть – катись...

Голову сломаю,

Наберусь ума,

Что страшней, узнаю:

Смерть – или тюрьма?

В квартире было пусто и холодно: отопление ещё не включали. На кухне со светильника свисала длинная, чуть не до пола, паутина.

Пассатижи, подаренные Тиграном, Арсений положил в шкатулку из красного дерева, где у него хранились особо ценные вещи.

2.15

На следующий после выписки день пришёл Микола.

– Сколько ты заплатил? – спросил у него Арсений.

– Сто, – ответил Микола. – И это у них считается по-божески.

– Сто – чего? – уточнил Арсений.

– Долларов, – ответил Микола. – Других денег они не признают: зажрались. А куда денешься? Кто из деревни – сумки носят. С деревенских доллары только за операцию берут.

Арсений отсчитал Миколу нужную сумму и положил заметно похудевшую стопку купюр на место. Деньги таяли, как снег весной.

– Когда машину начнём смотреть? – спросил Микола.

– Не знаю, – честно ответил Арсений.

– Ну, тогда я домашними делами пока займусь. А ты в ментовку больше не ходи. На вот, почитай, что делать надо.

И Микола вынул из кармана ветровки сложенный в несколько раз листок.

– Я тут кое с кем перетёр это дело. Надо только бумаги писать: тогда не отвертятся, вынуждены будут ответ давать. Здесь, правда, российские законы, – и он указал на листок. – Но механизм одинаковый, что у них, что у нас. Адреса я на обороте написал. Только никому не показывай. Пока пиши и отправляй по почте. А там – сориентируемся. И никуда без меня не ходи: ты теперь на учёте состоишь, как алкоголик.

– Спасибо тебе, – поблагодарил Арсений.

А когда Микола ушёл, развернул листок на кухонном столе и углубился в чтение.

2.16

Документ назывался: «Официальная информация оперативно-розыскного отдела».

Далее было пояснение: «Что и как сделать, если у вас пропал родственник, близкий человек или друг».

Арсений стал скрупулёзно изучать текст документа.

«1. Без вести пропавшим считается лицо, исчезнувшее внезапно, без видимых к тому причин, местонахождение и судьба которого остаются неизвестными.

Утратившими связь считаются родственники, супруги, отказавшиеся или не желающие поддерживать родственные или брачные отношения.

2. Розыск без вести пропавших осуществляется органом внутренних дел, на территории обслуживания которого достоверно установлено последнее пребывание (нахождение) разыскиваемого.

Указанное правило распространяется и на лиц, пропавших в пути следования железнодорожным, водным, воздушным или автомобильным транспортом.

Розыск утративших связь осуществляется органом внутренних дел по месту жительства заявителя.

3. Как определить, действительно ли человек пропал без вести.

Вообще, как показывает практика, довольно трудно определить, действительно ли человек пропал, или его где-то «черти носят».

Бывает, что люди, домоседы по натуре, отправляются в гости к знакомым, никого об этом не предупредив. И наоборот: люди, которые не один раз, по полгода, где-то, никого не предупредив, проводили время, действительно пропадали.

Если пропавший был человеком ответственным и обязательным, никогда не уходил из дома, а о намерениях поехать в гости или на встречу всегда предупреждал, и Вам неизвестны никакие обстоятельства, которые могли задержать его где-либо, то не медлите с обращением в милицию.

Если пропавший является несовершеннолетним или – особенно – малолетним ребенком, незамедлительно обращайтесь в милицию.

Если вы все же решили повременить обращаться с заявлением в милицию, то рекомендуем позвонить в Бюро регистрации несчастных случаев.

4. Что делать, если вы решили, что человек пропал без вести.

Для начала постарайтесь успокоиться и целиком проанализировать ситуацию.

До обращения в милицию подумайте над следующими вопросами:

1. Когда Вы или кто-то другой в последний раз видели пропавшего или разговаривали с ним по телефону?

Если это время превышает сутки, и какие-либо причины отсутствия пропавшего Вам не известны, то есть повод для беспокойства.

2. Случалось ли раньше, чтобы пропавший отсутствовал то же время, что и сейчас, или куда-нибудь уезжал, никого не предупредив?

Если да, то, возможно, следует подождать еще какое-то время.

3. Высказывал ли пропавший намерения поехать в гости к друзьям, родственникам или иным лицам, которых Вы знаете?

Если да, и у Вас имеется возможность, свяжитесь с этими людьми для выяснения подробностей. Если это сделать нельзя, то, возможно, следует подождать некоторое время, в пределах которого достаточно побывать в гостях и вернуться обратно

4. Злоупотребляет ли пропавший спиртными напитками?

Если с момента исчезновения прошло не более суток, то, возможно, что он задержан сотрудниками милиции за административное правонарушение или помещен в медицинский вырезвитель.

5. Мог ли пропавший задержаться на работе, существует ли возможность какого-либо «аврала» на работе, срочная необходимость сверхурочной или другой работы?

Мог ли пропавший быть срочно направлен в командировку в другую местность?

Имелась ли у пропавшего возможность сообщить о внезапно возникших обстоятельствах и о том, что он задерживается?

Если у Вас имеется возможность, позвоните ему на работу, или кому-нибудь из его коллег.

Возможно, что он все еще на работе, или недавно оттуда ушел.

6. Оцените характер и возраст пропавшего

Если пропавший далеко не подросток, но является человеком, склонным к авантюрам, приключениям и азарту, то, возможно, Вы, как человек, знающий пропавшего больше, чем кто-либо, сможете сами предположить, где его искать.

7. Не было ли перед исчезновением между Вами (членами семьи) и пропавшим ссоры, разногласий, конфликтов?

Если были, то пропавший может находиться у кого-либо из знакомых, друзей, сослуживцев, либо им может быть известно его местонахождение.

5. Заявление о пропавшем без вести подается в произвольной форме на имя начальника ОВД. Заявление может быть подано лично или отправлено по почте.

В заявлении указываются данные пропавшего, время, место и обстоятельства исчезновения.

К заявлению необходимо приложить фотографию пропавшего.

Желательно подобрать такие фотографии, на которых пропавший изображен в анфас и профиль. Изображение должно соответствовать внешности пропавшего на момент исчезновения. Если имеются фотографии, на которых видны особые приметы разыскиваемого, то также предоставьте их в милицию.

Перед обращением в ОВД с заявлением подготовьте следующие сведения (о которых у Вас обязательно спросят в милиции):

– приметы внешности (рост, телосложение, цвет глаз, волос, размеры головного убора и обуви); наличие особых примет (родинки, шрамы, следы от операции, татуировки, физические недостатки); состояние зубов (наличие зубных протезов, пломб, коронок); наличие хронических заболеваний, общее состояние здоровья, группа крови;

– одежда, в которую был одет пропавший в день исчезновения: головной убор, верхняя одежда, платье, нижнее белье, обувь; цвет, размер, фасон одежды;

– какие документы, предметы, вещи, ювелирные украшения и ценности, примерную сумму денег имел при себе пропавший (часы, сумки, портфели, сотовый телефон, ключи, кольца, цепочки, записные книжки, и т.п.);

– имеются ли у пропавшего в наличии недвижимость (квартира, дача и т.п.) или транспортные средства;

– известные Вам связи пропавшего (друзья, знакомые, коллеги по работе, их имена, телефоны);

– места предполагаемого нахождения.

В милиции у Вас так же могут спросить другие необходимые сведения о пропавшем. А также попросить предоставить различные документы или их копии.

Старайтесь не скрывать какие-либо сведения отрицательного характера о пропавшем (к примеру, что разыскиваемый злоупотреблял спиртными напитками, употреблял наркотики, занимался незаконной деятельностью), т.к. это только осложнит розыск и увеличит его время.

Что происходит после подачи заявления.

6. По истечении предусмотренного законом времени по Вашему заявлению обязаны принять решения.

По факту исчезновения гражданина может быть:

1. Вынесено постановление о возбуждении уголовного дела. Данное решение принимается, если имеются основания полагать, что в отношении пропавшего было совершено преступление. Такими основаниями может послужить наличие в собственности у пропавшего недвижимости, крупной суммы денег, автомашины (исчез вместе с автотранспортом), занятие коммерческой деятельностью и другие обстоятельства. В этом случае розыск пропавшего будет вестись оперативным подразделением ОВД, в компетенцию которого входит раскрытие этого преступления. Уголовные дела возбуждаются по признакам преступлений, предусмотренных соответствующими статьями.

2. Вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Данное решение принимается при отсутствии оснований полагать, что в отношении пропавшего было совершено преступление. В данном случае необходимые материалы передаются в оперативно-розыскные отделения (отделы) для организации розыска пропавшего. Данное решение Вы имеете право обжаловать в надзирающей прокуратуре.

7. Розыск.

После рассмотрения Вашего заявления и принятия по нему решения об отказе в возбуждении уголовного дела, необходимые материалы передаются в оперативно-розыскное отделение.

Далее гражданин объявляется сначала в местный, а по истечении определенного срока – в федеральный розыск.

В некоторых случаях гражданин может быть объявлен сразу в федеральный розыск. Во время розыска проводятся различные мероприятия, направленные на установление местонахождения пропавшего и выяснение его судьбы.

К сожалению, не всегда удается установить местонахождение человека в кратчайшее время. У некоторых граждан может сложиться мнение, что их близкого никто не ищет, а его дело прекратили или оно пылится в сейфе.

Можем заверить Вас, что розыск ведется по всем без вести пропавшим гражданам. Работа по розыску граждан контролируется надзирающей прокуратурой и вышестоящими органами внутренних дел.

Розыск без вести пропавших ведется до установления их местонахождения.

Розыск прекращается за сроком давности только по истечении 15 лет со дня объявления розыска. По истечении 5 лет производство по делу в отношении без вести пропавшего может быть приостановлено, если исчерпаны все возможности для его обнаружения. При этом вся необходимая информация о розыске пропавшего продолжает находиться в соответствующих учетах МВД РФ в течение 10 лет.

Если лицо, пропавшее без вести или утратившее связь, вернулось домой, дало о себе знать, сообщите об этом незамедлительно в орган внутренних дел, в который Вы подали заявление или который осуществляет непосредственно розыск».

2.17

Окончив читать, Арсений подумал, что если бы он знал всё это раньше, то не стоял бы сейчас на учёте как алкоголик. Ну, да что сделано – то сделано. И если в «родной» милиции такие же порядки, как в российской, то этой бумаге цены нет: она поможет сдвинуть дело с мёртвой точки.

Не откладывая на потом, Арсений написал заявление, пользуясь образцом в приложении к памятке. Затем отыскал чистый конверт, подписал его, вложил внутрь всё необходимое и, выбежав на улицу в пиджаке, не одеваясь, опустил письмо в почтовый ящик на остановке.

Всё: оставалось только ждать, как будут разворачиваться события дальше.

Недели через две пришла повестка из милиции. Арсений, надев тот же костюм, что и в прошлый раз, «выходной», но уже старомодный плащ на меховой подкладке – а вдруг опять посадят – и прихватив на всякий случай справку о том, что в лечении от алкоголизма он не нуждается, пришёл в указанный кабинет.

Плотно сбитый, высокий оперативник в гражданской одежде невнятно представился и стал опрашивать Арсения. Он опрашивал долго, тщательно, по несколько раз уточняя мелкие детали. Шаг за шагом Арсений описал день отъезда, день приезда, с кем выпивал в гараже, с кем входил в подъезд и кто это может подтвердить. Арсений не понимал, зачем нужны эти второстепенные детали, но отвечал честно, ничего не утаивая.

После того, как необходимые бумаги были составлены и подписаны, Арсений спросил:

– Скажите, а что теперь будет?

– Я пока не знаю, – ответил оперативник. – Собираю материалы. Но вы не беспокойтесь: мы вас уведомим как положено.

– Когда? – снова спросил Арсений.

– Не волнуйтесь, сроки мы не нарушаем: с этим у нас строго, – ответил оперативник и, как бы оправдываясь, добавил: – У меня кроме вашего дела ещё две квартирные кражи, разбойное нападение и пьяная драка.

Арсений ушёл и дней через десять получил по почте казённый конверт. В конверте находилось сообщение об отказе в возбуждении уголовного дела. На двух листах бумаги были скрупулёзно перечислены все действия старшего оперуполномоченного и, как итог, было напечатано: «В возбуждении уголовного дела отказать за отсутствием установленного факта преступления».

Далее перечислялись статьи УК, на основании которых было вынесено решение. А в самом конце – приписка-разъяснение, что Арсений вправе обжаловать настоящее постановление в прокуратуре.

Арсений так и сделал: на следующий день он собрал все бумаги, снова надел плащ, прихватил ставшую уже жизненно необходимой справку и пошёл в прокуратуру.

Посидев часика полтора в приёмной под уничтожающими взглядами самодовольной секретарши неопределённого возраста, он, наконец, попал в кабинет прокурора. Раньше Арсению никогда не приходилось сталкиваться с чиновниками такого ранга, у которых «из окон кабинета видна Колыма». И, естественно, он чувствовал себя «ниже травы».

Арсений поздоровался. Прокурор, повернув к нему своё холёное лицо, коротко бросил:

– Что у вас?

Арсения немного задело, что прокурор не ответил на приветствие и не предложил присесть. Он сам, без приглашения, пристроился на краешке стула, положил на стол бумаги и вкратце описал ситуацию.

Прокурор слушал вполуха, копаясь в каких-то документах. В принесённые Арсением бумаги он даже не заглянул. Потом, когда Арсений закончил рассказ, прокурор сказал:

– Я не нахожу никаких нарушений закона. Всё – правильно.

Говорил он каким-то безразличным, усталым тоном. И Арсений решил про себя, что прокурор совсем не вникал в суть его проблемы.

– Так что же мне делать? – спросил он.

– Надо ждать, – ответил прокурор.

«Ждать, или же – дать?» – подумал Арсений и невесело усмехнулся: «Кто с сумками – без очереди». Это была дежурная фраза знакомого Миколы, работавшего в деревне стоматологом. Он произносил её каждое утро, когда проходил в свой рабочий кабинет мимо молчаливо страждущих в ожидании приёма «крестьян».

– И всё?

– Знаете, – сказал прокурор, – вы пришли не по адресу: я не занимаюсь розыском людей. Я слежу за соблюдением законности и в вашем случае нахожу, что нарушения закона нет.

– Как нет? Но ведь моя семья пропала.

– Возможно, они просто переехали на новое место жительства, – прокурор стал выказывать признаки недовольства. – Вам что, не понятно?

– Нет, – сказал Арсений. – Я не знаю никакого нового места жительства.

– Ну, ещё бы! – сказал прокурор. – Муж всегда узнаёт об этом последним.

Некоторое время Арсений соображал, а поняв смысл сказанного, густо покраснел.

– Вы говорите так, как будто знаете мою жену, – начал Арсений.

– Может быть, и знаю, – оборвал его прокурор и, потеряв всякое терпение, добавил: – Освободите кабинет, вы мешаєте мне заниматься делом.

Арсений молча встал, взял со стола свои бумаги и, сложив их, спрятал во внутренний карман пиджака. Потом подошёл к двери, открыл её и выглянул в приёмную: там никого не было, даже секретарши. Тогда он быстро вернулся к столу и, нагнувшись, со всего размаха «просадил» прокурору в левое ухо. Тот, не успев ничего сообразить, упал со стула.

Значительно окрепший за последние дни волчонок облизнулся и не спеша вернулся в свой угол. «Ну, кто ещё желает подойти близко к моей клетке?»

Неторопливым шагом Арсений вышел из прокуратуры и пошёл по улице. Его била дрожь: то ли от страха, то ли от гнева. Но где-то в глубине души он испытывал гордость за свой дерзкий поступок.

«А вот теперь будем ждать», – подумал он.

Но только ждать пришлось не очень долго.

2.18

До самого вечера Арсений не возвращался домой: гулял по набережной, разговаривал со знакомыми бездельниками, которые группами сидели на скамеечках, недалеко от гастронома, в сомнительной надежде на дармовую выпивку. Деньги у Арсения были, но он никому не наливал и сам не пил: теперь он был как на фронте. Теперь любая мелочь могла стать для него роковой. Теперь он не имел права поступать бездумно и безответственно по отношению к себе. В его жизни появилась хоть и не совсем ещё ясная, не до конца сформировавшаяся, но уже довольно конкретная цель: не давать себя в обиду. И действительно: кто будет считаться с тобой, если ты сам себя не уважаешь и не можешь за себя постоять?

Когда Арсений вернулся домой, у дверей квартиры его уже поджидали два коротко стриженных молодых человека, чью профессию легко было определить, несмотря на то, что они были одеты «по гражданке». Арсений не испугался и не удивился, а только с удовлетворением подумал: «Вот как хорошо, что я догадался плащ надеть».

Он был доволен своей предусмотрительностью.

Молодые люди, мельком показав удостоверения, поинтересовались, есть ли у Арсения документы. И, ознакомившись с паспортом, предложили пройти с ними.

Арсений, не задавая лишних вопросов, подчинился. Он так и не зашёл к себе домой.

В горотделе – надо же! – дежурили старые знакомые.

Сотрудники, производившие задержание, передали майору паспорт Арсения, его самого и ушли.

– Ну, ты скажи, как тесен мир. А ну, дыхни, – майор подошёл вплотную.

Арсений дыхнул и сказал:

– Я не могу выпивать. У меня – справка.

И вынул из кармана бумаги.

Дежурный прочитал справку – пригодилась всё-таки! – немного подумал и сказал:

– Это меняет дело. Сейчас разберёмся. А ты посиди пока в «обезьяннике».

И он отвёл Арсения в клетку, сваренную из стальных прутьев. А когда закрывал замок, сказал:

– Вот видишь, как вовремя я тебя на лечение отправил: теперь ты на человека похож.

В клетке, у стены, были деревянные нары, и Арсений присел на них.

«Ничего они не докажут, – думал он. – Никто ничего не видел».

Святая простота! А простота, как известно, хуже воровства. Докажут, если будет надо, если очень захотят, или если будет «экономически» выгодно. Докажут даже то, что дважды два – стеариновая свечка. «Спрессуют» до такого состояния, что подпишешь себе даже смертный приговор, как это было с расстрелянным по «витебскому делу». Выяснили потом, что парень невиновен. Ну и что? Приговор в исполнение приведён. Премии получены, патроны списаны. Все подписи и печати на месте. Значит, всё правильно. Комплексная проверка нарушений финансовой и трудовой дисциплины не обнаружила.

А у него, у пацана,
И мать осталась, и жена...

Хоть кто-нибудь, когда-нибудь заглядывал им в глаза?
А ему? А ему просто выстрелили в затылок – и все дела.

Написали протокол, как положено,
А после стали кушать кофе с пирожным.

Другое дело, если не захотят «слуги закона» по какой-то причине: если все показатели в норме и если – к тому же все мы люди!? – будет просто неохота, просто лень возиться. «В истории тому мы тьму примеров слышим...»

Часа через два Арсению приспичило в туалет, и он стал звать дежурного. Тот, недовольный, подошёл к клетке и вслух спросил сам себя:

– Ну что же с ним делать?

Потом, немного подумав, сказал:

– Давай сюда ремень, шнурки и всё, что в карманах.

Арсений отдал дежурному ремень, портмоне с мелочью и купленные сегодня в киоске полушерстяные носки. Шнурков в туфлях не было: они застёгивались на ремешки.

Дежурный положил всё это добро на стол и повёл Арсения тёмными коридорами. Сначала зашли в туалет, и дежурный составил Арсению компанию. А потом спустились вниз, в подвал. И дежурный вместе с милиционером-охранником просто втолкнули Арсения в тёмную камеру, захлопнув за ним массивную дверь.

Тяжёлый, спёртый воздух ударил Арсению в нос. После сравнительно светлого коридора глаза ничего не различали в полумраке, и только услышав приглушённый гул голосов, Арсений понял, что он здесь не один.

Через некоторое время, когда глаза привыкли, Арсений рассмотрел в скудном свете маленькой лампочки под потолком то место, куда он попал. И тогда ему стало по-настоящему страшно.

Небольшое помещение – размером с полгаража – было разделено на две неравные части. У порога, рядом с Арсением, в меньшей части, была свалена в большую кучу разная обувь. Слева, в углу, стояла сорокалитровая алюминиевая кастрюля – такая же, в каких варят пищу солдатам. Кастрюля была накрыта куском фанеры. На фанере, опустив голову на руки, сидел вьетнамец.

Остальная часть помещения представляла собой некоторое подобие сцены или деревянного настила. И там, на настиле, сливаясь в сплошное, многоголовое месиво, лежали люди. Их было человек сорок, не меньше.

Арсений стоял, не зная, что ему делать. Человеческие тела копошились, напоминая муравейник. И десятки глаз, блестящих в полумраке камеры, уставились на Арсения.

Пауза несколько затянулась, и Арсений понимал, что надо что-то делать, что-то говорить. Но что? Подобного опыта у него раньше не было. Выручил случай, Его Величество Случай, который иногда, сжалившись, судьба посылает нам то ли в награду, то ли в наказание. Поди, разбери, что у этой капризной дамы на уме.

С самого края помоста слетела на землю человеческая фигура, и чей-то голос сказал:

– Иди, обезьяна, к своему брату. Освободи место белому человеку.

Упавший тоже оказался вьетнамцем. Он поднялся и, не возражая, как побитая собака, подошел к своему соотечественнику и примостился на краешке фанерки. А на помосте образовалось небольшое пятно отполированных до блеска досок. Арсений подошёл и сел на освободившееся место.

– Не узнал, Арсен? – снова послышался голос.

Арсений пригляделся и узнал Вову Ковтуна. Считаю, все водители-дальнобойщики в этом небольшом городе были знакомы друг с другом. «Наш город спит под одним одеялом», – любил повторять Микола.

– Привет, Вовик, – сказал Арсен.

– За что тебя? – спросил Вовик. – Ты же вроде порядочный.

Под глазом у Ковтуна расплывался тёмно-фиолетовый, с прожилками крови, синяк. Арсений знал, что Вовик любил подраться. Однажды они встретились на стоянке под Одессой:

оба искали попутный груз. По вечерам водители устраивали общий стол: кто плов готовил, кто шашлык. Ну конечно, и выпивка. И после второго стакана Вовик усиленно искал, кого зацепить. Каждый день искал и успокаивался только тогда, когда получал по морде. Такой уж жизненный сценарий: и рад бы по-человечески, да «Заратустра не позволяет».

Арсен, вздохнув, рассказал Вовику про свои проблемы. Услышав, что Арсен ударил прокурора, Вовик сказал:

– Есть тут человек, с ним тебе надо потолковать. А больше никому ни слова.

И уполз куда-то к стене, матерясь и расталкивая сокамерников. Через некоторое время Вовик вернулся и сказал:

– Ползи за мной.

Арсений сбросил туфли и стал пробиваться за Вовиком. С криком и боем они пробрались в угол камеры. Там было немного посвободнее. И Арсений увидел полного мужика с каким-то обрюзглым, тёмным лицом.

– Вот этот человек, – прошептал Вовик и, выдержав паузу, громко добавил: – Тит, это Арсен.

Тит внимательно осмотрел Арсения и, достав откуда-то из темноты пластиковый стакан, протянул со словами:

– Спирт. Запивать будешь?

Арсений кивнул головой. Ему не хотелось пить, но отказать он не решился. Потом они закурили. У Тита было всё: он чувствовал себя здесь как дома.

– За то, что ты сделал – уважаю, – сказал Арсению Тит. – Хотя и глупо. Делать надо было не так: ночью подкараулить возле подъезда и – пакет на голову. Да что зря базарить. А теперь они тебя ломать будут.

И Тит стал расспрашивать Арсения про некоторые детали. Потом, немного подумав, сказал:

– Когда начнут бить, падай головой на край стола. Лучше всего – рассеки себе бровь: крови много, но не страшно. Увидят кровь – успокоятся. А так – останешься калекой.

Потом Тит ещё немного подумал и сказал:

– По остальному – иди в отказ. Только в отказ. Они сейчас всё перероят, чтобы закрыть тебя. Моли бога, чтобы жену не нашли: ни живую, ни мёртвую.

Арсений не понимал хода мысли Тита, но слушал внимательно.

– Дома что-нибудь незаконное есть? – спросил Тит. – Давай завтра с утра кто-нибудь из моих к тебе наведается, приберёт всё.

Вовчик сильно и незаметно толкнул Арсения локтем в бок, и Арсений ответил:

– Дома пусто. А что?

– А то, что обыск делать будут.

– Зачем?

– Думаю, убийство на тебя хотят повесить.

– Убийство кого?

Тит посмотрел на Арсения, как на придурка, и не стал отвечать на глупый вопрос.

– Подумай хорошенько, как ты сможешь доказать, что они были живы, когда ты уже уехал. Может, ты им деньги присылал? Или она за квартиру платила? Подумай, но сразу не говори. Прибереги на потом, когда будет решаться: или пан, или пропал. Скажешь раньше времени – обыграют, обставят. Не жалея себя: пусть мордуют, пока не устанут. А алиби береги на конец.

Потом они покурили, и Вовчик, улучив момент, шепнул Арсению на ухо: «Будь осторожен, не говори, где живёшь и где ключи – всё вынесут. У ментов свои подходы, а у блатных – свои: влезут в душу и обчистят. Слушай только то, что по делу. Своим умом рассуждай».

И Арсений рассуждал. Он не исключал, что Тит правильно предугадывает будущую ситуацию. И к такому повороту дел надо быть готовым.

Потом Вовчик отогнал от стены каких-то бродяг, и они с Арсением, кое-как устроившись, поспали несколько часов. А утром, когда открылась дверь, в камере началась суматоха. Арсений еле-еле нашёл свои туфли, и милиционер-охранник ткнул в него дубинкой:

– Выноси парашу.

– Нет! – вдруг рявкнул Тит и, указав на вьетнамцев, добавил: – Ты и ты.

Милиционер спорить не стал, и вьетнамцы понесли куда-то кастрюлю, на которой просидели всю ночь.

А потом Тит сказал Арсению:

– Тебе помогут, но ты и сам себе помогай.

Арсений не понял этой фразы. Смысл её прояснился несколько позже.

2.19

Перед кабинетом следователя охранник снял с руки Арсения наручник и, открыв двери, пропустил его вперёд.

В кабинете, за стоящими друг напротив друга столами, сидели следователь и уже знакомый Арсению старший оперуполномоченный.

– Присаживайся, – сказал оперуполномоченный Арсению, обращаясь к нему на «ты», как к старому знакомому.

Арсений присел на стул и сказал:

– Если будете бить, я покончу с собой тут же, у вас в кабинете.

Следователь и опер переглянулись, и следователь спросил:

– А почему мы должны вас бить?

Арсений замялся, не зная, что ответить.

– Может, чувствуете за собой что-то такое, за что вас можно бить? Так поделитесь с нами.

Арсений снова промолчал.

– Не надо равнять всех по себе, – сказал опер и засмеялся.

Следователь тоже засмеялся, и Арсений почему-то решил, что они говорят правду: никто не собирался его бить.

– За что меня арестовали? – осмелев, продолжал он.

– Ну что же ты, никак не можешь успокоиться? – спросил опер. – Разослали мы ориентировку по всей республике. Что ты ещё от нас хочешь? Интерпол подключить мы не можем.

И опер показал Арсению листок с текстом и фотографиями. Листок был озаглавлен: «Разыскиваются». А фотографии были такого качества, что Арсений не узнал ни жену, ни дочь. «Кто тогда их узнает?» – подумал он.

– Ох, – вздохнул следователь и, переходя на «ты», добавил: – Настоящих преступников из-за тебя ловить некогда. Вот, подпиши, что будешь правду говорить.

Он протянул Арсению ручку и предупредил:

– Да не вздумай врать: тебя сейчас на любой мелочи ловить будут. Лучше говори, что не помнишь.

«С чего это он такой добрый? – подумал Арсений. – Наверняка пакость какую-то готовит».

Но следователь никакой пакости не готовил. Или пока не готовил.

– Сейчас Коля поедет к тебе обыск делать, – сказал он. – Постановление я выписал, и прокурор уже звонил: ордер готов.

При этом он многозначительно посмотрел на Арсения и, немного помолчав, продолжил:

– Если есть в квартире что-то запрещённое, лучше сразу пиши добровольную выдачу.

– Ничего у меня нет, – мрачно ответил Арсений.

Он представил себе, какое развлечение будет у соседей, и, расстроившись ещё и по этому поводу, опустил голову.

«Хорошо, что про машину пока молчат», – подумал он. Там, в КамАЗе, в тайнике под печкой, лежала ручная граната РГ-5 – подарок Филиппенко. «Береги её, – говорил тогда Гена. – Это твой последний козырь в колоде».

«Если найдут, – мелькнула у Арсения мысль, – пять лет обеспечено. Эх, и почему я раньше про неё не вспомнил?»

– Ищите, ничего у меня нет, – повторил ещё раз Арсений.

Опер пожал плечами и вышел, а следователь начал писать протокол допроса. Он задавал всё те же бессмысленные, на взгляд Арсения, вопросы и машинально записывал ответы, не вдаваясь, казалось, в их смысл.

– За что меня держат? – снова, выбрав удобный момент, спросил Арсений.
Следователь угостил его сигаретой и закурил сам.

– Во-первых, никто тебя не держит – ты сам сидишь на стуле. А во-вторых, как будто ты не знаешь, – лениво произнёс, наконец, он и уточнил: – Если что-нибудь найдут – будешь содержаться под стражей, как обвиняемый. Если ничего не найдут, я тебя отпущу. Мне на свою задницу приключений не надо. Если твой «крестник» хочет, пусть он сам тебя закрывает.

И добавил, ни к кому не обращаясь:

– Привыкли чужими руками жар загребать.

А потом вдруг попросил Арсения:

– Только ты никаких фокусов тут не выкидывай. Покончу с собой, в кабинете... Да на фиг ты мне сдался: что с тебя возьмёшь?

Он говорил искренне, и Арсений понял, что никто здесь против него не настроен. Скорее настроены против прокурора. Это было немного непонятно, но, тем не менее, приятно.

Потом он подписал протоколы, внимательно прочитав их. В бумагах значилось, что по протесту прокурора отменено предыдущее постановление об отказе и вновь возбуждено уголовное дело по статье 101 УК РБ – умышленное убийство.

– Что за чепуха, кто их убил? – спросил Арсений.

– Прокурор подозревает тебя. Но ты пока не переживай: решение принимаю я. А у меня и без тебя головной боли хватает.

«Тит всё правильно предсказал, – подумал Арсений. – Сразу видно – ещё тот волчара».

Потом охранник отвёл Арсения обратно в подвал, но уже в другую камеру. По дороге вниз он спросил:

– Это правда, что ты прокурору в ухо дал?

Арсений молчал.

– Наши ребята специально ходили смотреть. Ухо, говорят, как блин со сковородки: большое и румяное.

И охранник озорно хохотнул, а потом добавил:

– Я, как сменяюсь, тоже сбегаяю.

В новой камере, кроме Арсения, никого не было, и он улёгся на нары, прикрыв глаза.

Примерно через полчаса дверь в камеру приоткрылась, и охранник бросил на нары пачку «Примы».

– Передача, – сказал он и снова хохотнул. – Ты у нас – достопримечательность. Весь отдел за тебя, так что ты не бойсь.

А потом спросил:

– Спички есть?

– Нет, – махнул головой Арсений.

– На вот мои, – и охранник, порывшись в кармане, бросил ещё и коробок спичек. – Только много не дыми.

А потом он посмотрел по сторонам в коридоре и тихо добавил:

– Скорее всего, к тебе поделят одного. Так что смотри... ну, одним словом: болтун – находка для шпиона.

Арсений понимающе кивнул головой.

Один раз за сутки его покормили: дали тарелку пустого борща и два кусочка хлеба. Но Арсений не чувствовал голода: нервы были напряжены до предела.

Под вечер к Арсению посадили какого-то хлипкого «полумужика». Ну, по всем статьям, «голубец» вылитый. Повадки у сокамерника были явно не мужские. Некоторое время Арсений слушал его заунывные рассказы и полувопросы-полунамёки. А потом сказал:

– Будешь приставать – вызову охрану.

На следующее утро «голубца» увели, а ближе к обеду Арсения снова доставили к следователю.

– Ну, что ты можешь ещё сказать? – спросил следователь, предложив присесть.

– Я уехал пятого сентября, – сказал Арсений. – А шестого жена должна была получать пособие на дочь. Можете это выяснить в собесе.

– Не в собесе, а на почте, – уточнил следователь. – Ты думаешь, что я здесь просто штаны протираю? И на будущее запомни: в милиции тоже люди работают. А люди могут и ошибаться, и, наоборот, ошибки исправлять. Твои ошибки, между прочим.

Арсений ничего не сказал.

– Надо бы тебя, для науки, в следственный изолятор отправить. Кое-кто об этом просто мечтает. Но тут и другие мнения есть.

«Неужели снова Тит постарался? – подумал Арсений. – Что это за человек-загадка?»

Немного позже он узнал, что никакой загадки тут не было. Тот же Вовик Ковтун, встретившись случайно с Арсением на набережной, рассказал, что как раз накануне их ночёвки в подвале взяли с поличным одного следователя, какого-то капитана. Арестовали – не свои, а вроде из «шестого отдела» – при получении взятки. Пропился капитан, прогулял денежки с путанами по кабакам, долгов много наделал. Вот и наехал на подследственного: давай, мол, три тысячи долларов – дело закрою. Подследственный – к жене, та – к бандитам: в долг просить. Вот бандиты её и подучили к прокурору пойти. Знали бандиты всю подноготную этих дел: и что прокурор выслужиться хотел, и что у капитана «лапы волосатой» не было. Слишком жадным капитан оказался, ни с кем не делился, всё сам пропивал. И пошёл капитан «на парашу», а прокурор – на повышение. А Тит, конечно, знал про этот конфликт. И никакой мистикой тут и не пахло. Мистика – это для дураков, а для умных – логика. Не будь этого скрытого противостояния между прокуратурой и горотделом – тянул бы Арсений срок как миленький. Нашли бы за что: был бы человек, а статья всегда найдётся.

Повезло, одним словом. Нет такой хорошей ситуации, которую нельзя было бы обратить себе во вред; но и нет такой плохой ситуации, из которой нельзя было бы извлечь пользу. Говорят, что мудрый не попадает в плохую ситуацию. Ерунда! Человек не властен над обстоятельствами. Просто мудрый умеет извлечь пользу из всего: и из хорошего, и из плохого. Мудрый заранее знает, что он будет делать в случае поражения. А знает потому, что претерпел в своей жизни достаточно много поражений. Они-то и сделали его мудрым. «А кто доволен уж в начале, тому не далеко уйти...»

– Жаловаться не будешь? – снова спросил следователь.

– На что? – переспросил Арсений.

– Да ты на что захочешь – на то и пожалуешься. А то и в ухо дашь. На вот подпиши, что вещи тебе возвратили в целостности и сохранности.

Следователь протянул бланк и вынул из сейфа вещи, из которых в наличии остались пустой бумажник, паспорт и ключи от квартиры. Но Арсений подписал, не выказывая возмущения.

– Ты бы, от греха подальше, уехал бы куда. Или из квартиры пореже выходи, пока всё не уляжется. А то расшевелил дерьмо: ни себе, ни людям – не в радость, – сказал на прощание следователь.

2.20

Арсения отпустили в час дня. Он вышел на улицу, слегка пошатываясь от слабости. Голова немного кружилась: то ли от свежего воздуха, то ли от недоедания. День выдался серым, пасмурным, и по низко опущенному небу лениво ползали тёмные тучи. Настроение у Арсения было под стать погоде: такое же мрачное и свинцово-тяжёлое. Он шёл домой пешком: денег на проезд в автобусе у него не имелось. И по пути дважды отдыхал, прислоняясь плечом к шершавым стволам деревьев, росших по краю тротуара. Хотелось курить, но попросить сигарету у незнакомых людей Арсений стеснялся. А знакомые ему не встретились.

Кое-как он доплёлся до дома и, задыхаясь, поднялся на свою площадку. На двери его квартиры была наклеена полоска бумаги с чернильными печатями. Арсений сорвал её и полез в карман за ключами. Но ключи не понадобились: замок в двери был сломан.

Арсений вошёл в прихожую, а потом – в зал. В квартире царил хаос: дверки шкафов были открыты, вещи в беспорядке разбросаны по стульям, дивану, полу. На полке шифоньера, где хранились деньги, было пусто.

Перекошенные лица, конечно, радовались, когда им привалило такое счастье.

«Радуйтесь, радуйтесь, – подумал Арсений. – Ещё никто на чужой беде не разбогател».

«А ты, сын человеческий, не бойся речей их и не страшись лица их».

Так-то оно так, но что-то надо было делать, как-то надо было жить.

Арсений вышел на площадку и позвонил соседу-футболисту. Тот открыл дверь и первым делом спросил:

– «Сотку» потянешь?

– Потяну, – сказал Арсений.

Потом они оба выпили по «сотке» на кухне у футболиста, закурили, и тот рассказал, как опера проводили обыск.

– Что я им мог сделать? – оправдывался футболист. – Если бы нашли чего, так я бы не подписал. А так – всё равно кто другой подписал бы.

– Я на тебя не в обиде, – сказал Арсений. – Не ты, так другой – им без разницы.

– А если деньги пропали, так я не видел. Я же не присматривался, кто и что делал. Там такое творилось: следы крови искали. Говорили, что ты... Ну, одним словом... Давай ещё по «сотке».

Они выпили ещё, и Арсений сказал:

– Ты про деньги молчи. Не надо их злить.

– Могила, – заверил футболист. – С этими деньгами просто беда: в банк положишь – не отдадут, дома оставишь – украдут. Так лучше их через горло пропустить, – и он щёлкнул себя пальцем по кадыку. – Ну что, махнём ещё по одной?

Арсений не возражал, хотя пить ему и не хотелось. Нет, он пил не оттого, что украли все его деньги. И не оттого, что он не предусмотрел такой возможности. Он пил с соседом потому, что тот был на данный момент единственным в мире человеком, который по-своему сочувствовал Арсению.

Когда бутылка была допита, Арсений вернулся к себе.

После водки хотелось есть, и он сварил немного рожек с постным маслом – всё, что осталось в квартире из продуктов. Потом поел, хватая горячее, обжигаясь до слёз. И стал собирать по шкафам пустые бутылки. Их было немного: штук десять, разных, покрытых пылью и паутиной. Потом Арсений спустился в подвал под домом, взял там банку с консервированными огурцами и ещё одну, поменьше, с яблочным вареньем. По углам нашлось ещё с десятка пустых бутылок. Арсений перенёс всё это в квартиру, помыл бутылки и сложил их в пакет. Посмотрел на себя в зеркало, небрежно побрился электробритвой и пошёл в гастроном.

Ему повезло: бутылки принимали. И на полученные за них деньги он купил полбатона хлеба, два пакетика чая и пачку «Примы».

Дома он сложил покупки в буфет, достал ящичек с инструментами и принялся ремонтировать дверь. Потом собрал разбросанные по квартире вещи: не очень аккуратно, с большего. Наводить порядок основательно не было никакого желания.

Покончив кое-как с делами, он сел на кухне за стол и закурил.

«Что я сделал в этой жизни не так? – думал он. – За что мне всё это?»

И не находил ответа.

«А может, лучше умереть?»

И он стал думать о том, что случится, если он вдруг умрёт. Что произойдёт с миром, с людьми, с Миколой, с соседом-футболистом?

«Заплачет ли кто-нибудь по мне?»

И выходило, что заплакать будет некому.

Так он просидел долго, куря сигареты и страдая от одиночества. Даже в подвале – в смысле, «на сутках» – было легче: скучать не давали ни менты, ни сокамерники. Когда начало темнеть, Арсений заварил чай, поел сначала хлеба с огурцами, потом хлеба с вареньем и, раздевшись, лёг в постель. Но уснуть не мог: ворочался с боку на бок, сбивая простыню в комок.

А потом пришёл чёрный человек. Он был одет в матросскую шинель и зимнюю шапку, завязанную под подбородком. Он подошёл к шифоньеру и стал рыться на полке, где раньше хранились деньги.

«Ройся, ройся, – думал Арсений. – Там тебе ничего не обломится».

Немного погодя, Арсений потихонечку встал, подошёл к человеку сзади и решительно спросил:

– Что вы здесь делаете?

Человек начал медленно поворачиваться всем телом, и его лицо стало постепенно открываться, словно проявляясь в деталях. Это было настолько страшное лицо, сплошь покрытое послежоговыми рубцами, с мёртвыми, неподвижными глазами, что Арсений в ужасе проснулся.

В ушах стоял писк, какой иногда улавливает приёмник в радиозфере, в том диапазоне, где нет сигналов передающих станций. И ощущение реальности происходящего, не вызывающее сомнений во время сновидения, перенеслось в объективный мир и не покидало Арсения.

– Кто здесь? – громко крикнул он и включил светильник на стенке.

В квартире никого не было, но это не могло обмануть Арсения. Он знал, что всё происходило не во сне, а на самом деле.

Дверка шифоньера была распахнута настежь.

Арсений встал с постели, зажёл во всех комнатах свет и стал отчаянно креститься. Он хотел прочитать молитву, но вдруг вспомнил, что не знает слов. Тогда он разыскал на полке Евангелие жены, нашёл Нагорную проповедь и принялся повторять «Отче наш». Но беспокойство не проходило. Ужас незримо присутствовал рядом, словно играл с Арсением в прятки.

Немного осмелев, Арсений подошёл к открытой дверке шифоньера и стал заглядывать на полки. На той из них, где раньше хранились деньги, в самом уголке, в небольшой щёлчке между стенкой и самой полкой он увидел обручальное кольцо. Арсений, подавляя страх, двумя пальцами осторожно взял его. Несомненно, это было чьё-то чужое кольцо. Но как он не заметил его вчера? И чьё оно? Арсений одел его на безымянный палец правой руки и писк, до сих пор звучавший в ушах, прекратился.

«А может, это моё?» – снова подумал Арсений.

Да, несколько лет назад его обручальное кольцо потерялось неизвестно где. Но ведь эту полку осматривали тысячу раз, да и менты, наверное, с усердием обыскали.

Арсений более внимательно пригляделся к кольцу. Оно было самым обыкновенным и как раз по размеру пальца. Только ощущение того, что это чужое кольцо, не покидало Арсения ни на миг. Как не покидало его и чувство страха. Он снял кольцо и положил его в шкатулку из красного дерева. Но страх всё равно не уходил: он накатывал волнами, парализуя волю и разум. И спать Арсений больше не ложился.

Часов в пять утра он оделся и вышел из квартиры.

Автобусы ещё не ходили, да и денег не было. И ему пришлось идти в центр пешком.

Утро было довольно холодным, и «белые мухи» уже выписывали пируэты в предра-светных сумерках, но Арсений не ощущал холода. Он шёл по пустынным улицам и молился, не переставая. Молился, как мог, вспоминая все те фразы, которые прочитал сегодня ночью в Евангелие. Ему казалось, что если он перестанет молиться, случится что-то очень страшное, непоправимое.

2.21

У церковной калитки, на скамеечке, сидел старец, по виду – нищий. Арсений поздоровался, и старец ответил.

– Садись, посиди, – сказал старец. – Ещё слишком рано.

И Арсений присел на край скамейки.

– За утешением пришёл, добрый человек, – не то утвердительно, не то вопросительно сказал старец. – Велико твоё страдание, если в такую рань пришёл.

Арсений сидел молча.

– Найдёшь утешение в молитве, – продолжал старец. – А правду в мире не ищи: нет в нём правды. До самого последнего дня не найдёшь. Она сама к тебе придёт в твой последний день, когда ты будешь умирать в одиночестве.

– Почему в одиночестве? – с дрожью в голосе спросил Арсений.

– Каждый человек умирает в одиночестве. Живёт в иллюзиях до своего последнего часа, не думает о нём – о себе думает: как на трон взобраться. Но придёт он, и воздастся каждому по делам его. В какой гордыне Государь российский пребывал, а и ему воздалось. Праведников казнил – Бога не боялся. А праведник сказал ему: «Кровь моя – на твоей голове». Да только отвернулся царь от праведника, не одумался. И настал срок, пришли злые люди, и истребили всю семью царскую, и детей малолетних не пощадили.

– Дети-то не виноваты, – сказал Арсений.

– Всё имеет причину. Отцы творят прошлое своих детей. Будущее – продолжение прошлого. Потому и грехи отцов на детей ложатся. Безвинные дети погибают по вине отцов – и так из поколения в поколение.

Старец оперся на свою клюку и сказал:

– Вижу я: велико тебе испытание будет. Но устоишь ты. Душа твоя слезами омоется, глаза твои ясными станут, и увидишь ты истину великую, познаешь путь богоугодный. Рано ты пришёл – значит, большая нужда у тебя. Но не спеши идти к Богу с чёрным сердцем, оставь за оградой всё зло мирское – это оно мучит тебя.

– Я не знаю, как это сделать, – сказал Арсений.

– Купи две свечи, – сказал старец. – Зажги одну за упокой всех, кого знал, а другую – за здоровье всех, кого знаешь. Не поминай им ни зла, ни добра. Только слушай, что тебе сказано будет.

– У меня нет денег, чтобы купить свечки, – признался Арсений.

Старец полез за пазуху, достал оттуда небольшой платок, развязал его и протянул Арсению две бумажные купюры.

– Я не знаю, когда смогу вернуть.

– Вернёшь, когда срок придёт. Не мне – так другому. За упокой поставь слева, а за здоровье – справа, у иконы Пресвятой Богородицы.

– Я не могу взять у вас деньги, – сказал Арсений. – Как я их верну?

– И если займы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? – сказал старец. – Давайте – и дастся вам.

– Спасибо, – сказал Арсений и взял деньги. – Моя жена ходила в молитвенный дом. А я не знаю, как мне быть: я никуда не ходил.

– Зачем строить храмы в Божьем Храме? – старец немного помолчал и продолжил, но уже другими словами, как будто говорил совсем иной человек: – Изначально я занимался эфиром Максвелла. А когда построил его модель, то оказалось, что в разной проекции пересечения оси его кристаллической решетки похожи или на православные кресты, или на звезду царя Давида. Решил, что это не может быть случайным совпадением. Но, с другой стороны, наши предки

о микромире никакого понятия иметь не могли. Значит, увидели эти структуры у какой-то более высокой цивилизации, представителей которой принимали за богов. Самое логичное объяснение. Стал изучать религиозные книги различных народов – и поразился сходству описанной там картины мира с той, которую мы только-только начинаем открывать в субъядерной реальности.

– Вы – физик? – удивился Арсений.

– Химик, – ответил старец. – Но нельзя проводить строгой границы между отраслями знания: они все связаны в одно целое. Каждая из них – субъективна, все вместе – объективны. Не может быть физики без теологии, как не может быть тела без души. Формулы не описывают ни боли, ни страдания. В них нет души. А всё, в чём нет души – порождает зло. Храм, который возводят точные науки – третья мировая. Поэтому я и уничтожил все свои записи: до тех пор, пока в моих открытиях не будет души, они будут порождать только зло, страдания и смерть. «Знание есть меч обоюдоострый коим и врага можешь поразить и себя без пальцев рук оставить, возлюбил повторять Он бывшим с Ним».

– Разве у открытий может быть душа?

– Она должна быть у их авторов. И у тех, кто будет владеть открытой силой, кто будет направлять эту силу на конкретные цели.

– Душа есть у всех людей.

– Не у всех она чиста. Корысть и зависть разъедают души, как ржавчина – металл. Исподволь, незаметно, оттого и коварно. Деньги – везде, за деньги – всё. Затмение нашло на людей. Посты, чины, научные звания, свидетельские показания, человеческие органы, живые люди – все покупается. Да что тебе говорить – ты и сам знаешь. Только не думают о том, что умирать придётся в одиночестве. Да детей своих на гибельный путь толкают: считают, что добро им делают. Деньги – та же сила, а без души – зло.

Арсений согласно кивнул головой.

– Закон без души – тоже зло, – продолжал старец. – Ещё Ленин говорил: «По форме правильно, а по существу – издевательство». Те же коммунисты от имени Ленина правили, а заповеди его не выполняли. Фарисеи, не видящие за буквами людей, их жизнь, нужду и надежду на справедливость. Мелкие душонки есть везде: и в физике, и в религии, и у власти. Потому и строят храмы в Божьем Храме вместо того, чтобы просто найти в нём своё место. Говорят от имени Бога, а имени и не знают. Для того Бог и поместил ключевой символ мироздания – крест – на самом видном месте, чтобы никто его запатентовать не смог.

Арсений подумал, что старец не похож на фанатика-верующего, слепо преклоняющегося пред раз и навсегда сформулированными догмами. И, словно в подтверждение этой мысли, старец сказал:

– В секретных архивах Ватикана и в Королевской библиотеке в Австрии есть рукопись Евангелия. В нём сказано: «Не ищите закон в ваших книгах с писаниями, ибо закон есть жизнь, писания же мертвы. Истинно говорю вам, Моисей получил эти законы от Бога не в письменном виде, а через слово живое. Закон есть живое слово живого Бога, данного живым пророкам для людей живых. Во всём, что являет собой жизнь, записан этот закон. Вы можете найти его в травах, в деревьях, в реках, в горах, в птицах небесных, в рыбах морских, но, прежде всего, ищите его в самих себе. Ибо истинно говорю вам, всё живое ближе к Богу, чем писания, в которых нет жизни. Бог так сотворил жизнь и всех живых существ, чтобы могли они вечным словом обучать человека законам истинного Бога. Бог писал эти законы не на страницах книг, а в сердцах ваших и в духе вашем. Они в дыхании вашем, в вашей крови, в ваших костях, в вашей плоти, в ваших внутренностях, ваших глазах, ваших ушах и в каждой мельчайшей частице тел ваших. Они в воздухе, в воде, в земле, в растениях, в лучах солнца, в глубинах и высотах. Все они говорят с вами, чтобы вы могли понять язык и волю Бога живого. Но вы закрываете глаза ваши, чтобы не видеть, и закрываете уши ваши, чтобы не слышать. Истинно говорю вам, что

писания – это творения человека, а жизнь и всё её многообразие являются творениями нашего Бога. Почему же не слушаете вы слов Бога, записанных в его творениях? И почему изучаете вы мертвые писания, которые есть творения рук людских?» Я никогда не читал более правильных и более искренних слов. Зачем же их держать в тайне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.